B 23/318

14-15

XXV 126. В 23/318

ИЗДАНІЕ
ОБЩЕСТВА РЕВНИТЕЛЕЙ РУССКАГО ИСТОРИЧЕСКАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ
ВЪ ПАМЯТЬ
ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III

ВЫПУСКЪ XIV

В 23/318

СТ. В. СМОЛЕНСКІЙ

ВЪ ЗАЩИТУ ПРОСВѢЩЕНІЯ

ВОСТОЧНО-РУССКИХЪ ИНОРОДЦЕВЪ

ПО СИСТЕМѢ

Ник. Ив. Ильминскаго

ОБЩЕСТВО РЕВНИТЕЛЕЙ РУССКАГО ИСТОРИЧЕСКАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ВЪ ПАМЯТЬ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1905.

В 23
318

ИЗДАНІЕ
ОБЩЕСТВА РЕВНИТЕЛЕЙ РУССКАГО ИСТОРИЧЕСКАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ
ВЪ ПАМЯТЬ
ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III

ВЫПУСКЪ XIV

СТ. В. СМОЛЕНСКІЙ

ВЪ ЗАЩИТУ ПРОСВѢЩЕНІЯ ВОСТОЧНО-РУССКИХЪ ИНОРОДЦЕВЪ

ПО СИСТЕМѢ

Ник. Ив. Ильминскаго

ОБЩЕСТВО РЕВНИТЕЛЕЙ РУССКАГО ИСТОРИЧЕСКАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ВЪ ПАМЯТЬ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1905.

Дозволено цензурою. Москва, 2-го марта 1905 года.

ВСЕСОЮЗНАЯ
БИБЛИОТЕКА
имени
В. И. ЛЕНИНА
66416-44

ПОЛУЧЕНО

Въ защиту просвѣщенія восточно-русскихъ инородцевъ по системѣ Ник. Ив. Ильминскаго *).

МОСКОВСКАЯ ПОЛУЧЕНО

Лѣтъ 40 тому назадъ, въ далекой и очень тогда захолустной Казани волновались лучшіе умы, обсуждая открывавшіеся горизонты всякаго рода. Эти умы уже успѣли начать свою энергичную службу новшествамъ 60-хъ годовъ,—новому суду, земству, просвѣщенію, гласности и пр. Въ ту же пору въ дружеской бесѣдѣ Казанскихъ профессоровъ однажды было высказано слѣдующее предостереженіе:

«А все-таки, какъ ни радостны нынѣшнія ожиданія, есть у насъ, русскихъ, два жестокихъ врага, съ которыми никто и не думаетъ бороться»...

— Какіе же это враги?—спросилъ одинъ изъ собесѣдниковъ.

— Враги страшные, стихійные! Первый врагъ— прикаспійскіе и закаспійскіе пески, которые засыпаютъ нашу Русь, обращая ее въ пустыню,—правда,—очень медленно, но на смерть; второй врагъ—фанатичное, организованное мусульманство, культурно завоевывающее нашихъ инородцевъ. Противъ этого врага пока безсильны наши вразбродъ идущія министерства. Вотъ гдѣ нужна умная и энергичная борьба, огромный совмѣстный русскій трудъ,—трудъ нѣсколькихъ поколѣній».

Какъ ни былъ я юнъ въ тѣ далекіе годы, но поразила меня эта бесѣда, а ея глубокое значеніе я понялъ только

*) Эта статья была напечатана въ видѣ ряда фельетоновъ въ Московской газетѣ „Русская Правда“ (№№ 251, 256, 263 и 270 за 1904 г. и №№ 3 и 13 за 1905 г.). Въ настоящемъ изданіи, во вниманіе къ указаніямъ критики и С.-Петербургскихъ друзей дѣла, въ этой статьѣ сдѣлано нѣсколько поправокъ и дополненій.

позже. Не знаю, что́ было сдѣлано за минувшіе 40 лѣтъ по части укрощенія песочнаго нашествія. Знаю, однако, что мѣста, бывшія тогда подъ пышными нивами не только на правомъ, но даже и на лѣвомъ берегу низовьевъ Волги, нынѣ засыпаны этимъ бичомъ Россіи, что нѣтъ уже очень многихъ рѣчекъ, и растутъ безъ удержу овраги. Вездѣ песокъ, песокъ...

Зато мнѣ извѣстно по дѣлу о другой борьбѣ много подробностей. Судьба связала мою жизнь съ знаменитымъ просвѣтителемъ нашихъ инородцевъ, указавшимъ способъ ихъ обрусѣнія и ихъ христіанскаго просвѣщенія и воспитанія. Имя этого великаго просвѣтителя—Николай Ивановичъ Ильминскій. Его огромный умъ, его горячая любовь къ инородцамъ, его огромное образованіе, знанія и трудолюбіе дали ему возможность выработать и осуществить на дѣлѣ стройную систему образованія инородцевъ. Система эта была построена на твердо обдуманныхъ и практически обоснованныхъ, гуманныхъ началахъ. Поэтому она всего менѣе была разсчитана на какія-либо особыя дарованія исполнителей. Общедоступность, простота и совершенная ненадобность казенщины дѣлали эту систему долговѣчною, способною къ свободному развитію, а не къ вырожденію.

Это была система идейная, вытекавшая изъ улучшенія душевныхъ отношеній русскихъ и инородцевъ между собою,—изъ свободы ученія, изъ обоюдныхъ выгодъ для всей земли и для самихъ инородцевъ. Свобода, ясность и жизнеспособность принциповъ образованія инородцевъ по системѣ Ильминскаго были немедленно восприняты въ Казани. Дѣло было осуществлено подъ руководствомъ Ильминскаго, съ энергичною помощью лучшихъ людей Казани. Тогда же, гласно, всюду, вплоть до Петербурга, оно было признано радостнымъ, удачнымъ и прочнымъ началомъ дѣла большой государственной важности.

Такимъ образомъ, Ильминскій имѣлъ въ своей жизни рѣдкое счастье выстрадать свои мысли въ не особенно жестокой борьбѣ, не надорваться въ борьбѣ. Онъ осуществилъ свое дѣло, работая свободно и во всю ширь своей мощной энергіи. Побѣда мысли Ильминскаго, торжество общественнаго дѣла, конечно, облегчились и обаятельною, понятною всѣмъ красотою этой мысли. Жизнеспособность самого дѣла

и мощная помощь случайно оказавшихся тогда въ Казани истинныхъ радѣтелей народнаго просвѣщенія уставили дѣло Ильминскаго, казалось, вполнѣ твердо.

Все геніальное, какъ извѣстно,—просто и спокойно-дѣловито; въ приложеніи этого геніальнаго къ жизни, оно, какъ и служеніе музамъ, «не терпитъ суеты»; какъ «прекрасное»—дѣло Ильминскаго дѣйствительно величаво. Оно, кромѣ своей внутренней красоты, кромѣ незамѣнимаго значенія для инородцевъ, несомнѣнно, имѣетъ и самое глубокое общественное значеніе,—даже, можетъ быть, всего болѣе важное для будущей русской народной школы и для всей Россіи.

Ильминскій просто, довѣрчиво подошелъ къ нашимъ инородцамъ, какъ старшій, любящій братъ. Онъ началъ учить инородцевъ, выучилъ первые кадры инородческихъ учителей, выработалъ новый, жизненный типъ народныхъ инородческихъ школъ и сдѣлалъ переводы для этихъ школъ и для инородческаго богослуженія. Когда дѣло окрѣпло, Ильминскій добился утвержденія своего дѣла законодательнымъ путемъ, для неуклоннаго его продолженія послѣ своей смерти.

Дѣло это, послѣ свыше 15-лѣтней подготовки, Ильминскій началъ въ 1862 году и блестяще велъ его до своей кончины въ 1891 г. Въ теченіе почти 30 лѣтъ Ильминскій развилъ свое дѣло отъ обученія только крещеныхъ татаръ въ Казани до обученія инородцевъ всего Поволжья, даже далекой Сибири, — отъ единичнаго просвѣтительства до привлеченія къ дѣлу массы людей. Послѣдніе, начавъ подъ его руководствомъ, продолжаютъ и донынѣ просвѣщать множество разноплеменныхъ инородцевъ, также расширяя дѣло. Поэтому принципы системы Ильминскаго и средства ея осуществленія слѣдуетъ считать доказанными и въ успѣшной дѣятельности продолжателей дѣла христіанскаго просвѣщенія и воспитанія инородцевъ.

Но... Я былъ недавно въ Казани у могилы Ильминскаго и, подъ впечатлѣніями личными, какъ и отъ чтенія печатной полемики, такъ и отъ разсказовъ друзей покойнаго, вынужденъ взяться за перо. Я узналъ на мѣстѣ и провѣрилъ въ С.-Петербургѣ, что дѣло просвѣщенія инородцевъ зашаталось въ самомъ своемъ основаніи. Поэтому я считаю

себя обязаннымъ не молчать, а громко протестовать, твердо встать на защиту дѣла Ильминскаго и твердо же, гласно высказать свое посильное слово «имѣющимъ уши слышати». Дѣло Ильминскаго, какъ слишкомъ дорогое и надобное для Россіи, должно быть защищено, и притомъ во всеуслышаніе. Это дѣло теперь уже не Казанское только, а русское. Оно имѣетъ свои права, которыя не могутъ быть нарушены рѣшительно никѣмъ и ни подъ какимъ предлогомъ, хотя бы и благовидно мотивированнымъ, даже и несмотря на законнѣйше проведенное, хитроумное преобразованіе Казанскаго Братства св. Гурія.

И дѣйствительно: къ неогороженной могилѣ Ильминскаго, у паперти Казанской кладбищенской церкви, до сихъ поръ не заростаетъ «народная тропа»... Дѣйствительно, Ильминскаго поминаютъ и славянинъ, и нынѣ дикій тунгузъ; эта «народная тропа»—тропа благодарныхъ, опечаленныхъ инородцевъ и всѣхъ русскихъ людей, знавшихъ Ильминскаго, благоговѣйно почитающихъ память великаго учителя и человѣколюбца. Но не ходятъ къ этой могилѣ только тѣ изъ пришлыхъ казанцевъ, которымъ слѣдовало бы положить передъ нею земной поклонъ и покаяться въ своихъ грѣхахъ. Грѣхи этихъ пришлыхъ людей, можетъ быть, и неумышленны, но, несомнѣнно, тяжки. Въ обличеніе этихъ грѣховъ и ради возстановленія пошатнувшагося дѣла пишутся эти строки.

II.

Конечно, не всѣ и не повсюду знаютъ имя и дѣло Ильминскаго. Поэтому скажемъ прежде всего, кто онъ былъ и въ чемъ собственно состоитъ идейная величавость и общественная многозначительность его дѣла.

Николай Ивановичъ Ильминскій (род. 23-го апрѣля 1822 г. въ Пензѣ, умеръ 27-го декабря 1891 г. въ Казани) былъ назначенъ «баккалавромъ» (доцентомъ) Казанской духовной академіи сейчасъ же по окончаніи въ ней курса въ 1846 г. Онъ скоро обратилъ на себя общее вниманіе, обнаруживъ какія-то совсѣмъ особенныя способности къ языкознанію. Еще на студенческой скамейкѣ его звали «полиглоттомъ», т.-е. многоязычникомъ. Совмѣстныя занятія

Ильминскаго съ извѣстнымъ оріенталистомъ А. К. Казембекомъ и самостоятельные переводы нашихъ богослужебныхъ книгъ на татарскій языкъ снискали Ильминскому расположеніе Казанскаго архіепископа Григорія—послѣ С.-Петербургскаго митрополита. Послѣдній, угадавъ въ Ильминскомъ будущаго крупнаго дѣятеля, выхлопоталъ ему заграничную командировку въ Константинополь, Сирію, Палестину и Египетъ.

Эта поѣздка (1851—53) была первымъ въ Россіи случаемъ посылки за границу съ ученой цѣлью питомца духовной школы. Понятно, что при любознательности, трудолюбіи и при отличномъ уже образованіи, Ильминскій въ эту 3-хъ-лѣтнюю поѣздку чрезвычайно расширилъ свои познанія и наблюдательность. Но, по возвращеніи въ Казань, онъ оказался, однако, мало понятымъ даже такимъ начальствомъ, какъ даровитый ректоръ архимандритъ Іоаннъ и высокообразованный Казанскій архіепископъ Аѳанасій. Ильминскаго начали грубо эксплоатировать, нисколько не пользуясь имъ, какъ оріенталистомъ. Его даже заподозрили чуть не въ мусульманской пропагандѣ и обидно вытѣснили изъ академіи. Оскорбленный въ начатомъ уже обдумываніи дѣла о просвѣщеніи инородцевъ, Ильминскій взялъ случайно подвернувшееся мѣсто переводчика въ пограничной коммиссіи въ Оренбургѣ. Это было въ 1858 г. Въ Петербургѣ быстро поняли ошибку академіи, всячески озаботились поправить дѣло, но было уже поздно.

Три года службы Ильминскаго въ Оренбургѣ, однако, оказались самыми полезными для его послѣдующей дѣятельности. Бывшій свыше 10-лѣтній трудъ въ Казани по части переводовъ и непосредственныхъ общеній въ деревняхъ съ крещеными татарами дали Ильминскому совершенно опредѣленную картину этнографическаго и миссіонерско-политическаго содержанія. Въ Оренбургѣ онъ встрѣтился съ отатаренными и омусульманенными киргизами и башкирами, съ искусно подставленной мусульманствомъ татарской администраціей, съ мусульманскими школами. Здѣсь Ильминскій вновь повѣрилъ свои казанскія додумки и впечатлѣнія.

Къ счастью для инородцевъ, вспомнилъ объ Ильминскомъ Казанскій университетъ. Вернувшись въ Казань

(1862 г.), Ильминскій, уже профессоръ университета, вновь получилъ, еще при ректорѣ Іоаннѣ, приглашеніе на каѳедру и въ родной ему академіи. Но вскорѣ же другой ректоръ, архим. Иннокентій, оказался еще грубѣе и непроницательнѣе, вновь вытѣснивъ своего питомца. Черезъ 5 лѣтъ академія, однако, загладила эти ошибки, избравъ Ильминскаго своимъ почетнымъ членомъ, конечно, при новомъ ректорѣ.

Итакъ, кромѣ своего труда, кромѣ живого общенія съ лучшими умами Казани, которые Ильминскій уже успѣлъ, по его выраженію, «обратить въ свою вѣру»,—вотъ характеристика огромной, научной и практической подготовки, съ которою онъ приступилъ къ дѣлу просвѣщенія инородцевъ: Ильминскій, страстно увлекавшійся въ академіи математикою, былъ основательный православный богословъ, отличный знатокъ восточныхъ языковъ и мусульманства, этнографъ и психологъ - педагогъ. Съ такимъ запасомъ знаній, при трезвомъ, дальнозоркомъ умѣ, при горячей любви къ людямъ, понятно, Ильминскій только и могъ создать систему обученія, разсчитанную не на однѣ свои силы и не на свой только вѣкъ, а на силы страны и на долгіе годы своихъ послѣдователей.

III.

Главная заслуга Ильминскаго заключается въ томъ, что онъ понялъ огромное государственное значеніе просвѣщенія инородцевъ, понялъ сдѣланныя въ этомъ дѣлѣ ошибки. Избѣгая послѣднихъ, Ильминскій творчески создалъ новую педагогическую систему, новую инородческую школу и доказалъ опытомъ жизнеспособность дѣла въ другихъ рукахъ. И при жизни, конечно, у Ильминскаго были враги, открыто боровшіеся съ нимъ теоретически, но Ильминскій побѣдилъ ихъ. Теперь, когда Ильминскій въ могилѣ, новые враги еще помнятъ его побѣду и силятся опровергнуть хоть «жизнеспособность въ другихъ рукахъ» и,—къ огорченію многихъ, весьма настойчиво... Но, вѣроятно, каждая мысль должна быть предварительно выстрадана: личная—ея носителемъ, общественная—всѣми причастными къ дѣлу. Только послѣ такого искуса крѣпнутъ и сила мысли, и общественное требованіе ея поддержки.

Государственное значеніе надобности христіанскаго просвѣщенія инородцевъ было понято русскимъ правительствомъ еще очень давно, но въ этомъ пониманіи не было ясности и, вслѣдствіе того, опредѣленной системы дѣйствій.

Въ краткихъ словахъ ходъ дѣла былъ слѣдующій:

Русское духовенство начало обращеніе инородцевъ въ православіе сейчасъ же по покореніи Казанскаго царства. Первымъ миссіонеромъ былъ первый Казанскій архіепископъ св. Гурій. Инородцы, обращенные имъ и позднѣе, съ XVI вѣка, называются «старокрещеными»; обращенные въ XVIII вѣкѣ, т.-е. послѣ пріостановки дѣйствій нашего миссіонерства, называются «новокрещеными». По какому-то случаю, однако, эти названія остались только за татарами.

И въ XVI, и въ XVIII вѣкахъ наши миссіонеры и администраторы, не особенно глядя впередъ, не вникая въ душевную сторону дѣла, въ бытовыя условія, не зная языка, крестили инородцевъ цѣлыми толпами, награждая при этомъ крестиками, рубашками и пр. Тутъ же, однако, по записи въ реестры, инородцевъ бросали, оставляя безъ дальнѣйшаго въ вѣрѣ наставленія. Цѣлыя деревни «Василь-Иванычей» затѣмъ оповѣщались къ обязательной явкѣ въ церковь въ большіе праздники и царскіе дни, или оповѣщались къ домашнему пребыванію, ради посѣщенія приходскаго причта съ крестомъ и пр.

Отношенія свѣтской администраціи къ инородцамъ много разъ и правдиво были указаны въ печати, какъ вполнѣ суровыя вообще, эксплоатировавшія инородцевъ внѣ всякой заступы. Такое беззащитное положеніе инородцевъ, между прочимъ, наглядно выразилось не вымершимъ еще обычаемъ устроить обидчику «суху-бѣду», т.-е. обиженный давился на веревкѣ у обидчика на дворѣ, чтобы подвести подъ «протори и убытки отъ суда и слѣдствія»...

Нисколько не удивительно, что, при такомъ отношеніи духовенства и администраціи, инородцы не могли сдѣлаться христіанами и не привязались ни къ русскому народу, а тѣмъ болѣе къ русскому правительству. Платя «что полагается», инородцы поэтому не бросили ни своихъ языческихъ моленій, вродѣ существующихъ до сихъ поръ «кереметей» въ заповѣдныхъ лѣсахъ, ни своихъ шамановъ,

ни (у бывшихъ мусульманъ) всякихъ повседневно-мусульманскихъ обычаевъ, ни готовности вернуться къ вѣрѣ отцовъ и дѣдовъ.

Съ другой стороны понятно, что обращеніе въ христіанство бывшихъ мусульманъ, хотя бы и бумажное, должно было встревожить мѣстное мусульманство. Муллы встрепенулись, и даровитое татарское племя пришлось какъ за отатареніе и омусульманеніе инородцевъ, такъ и за экономическое на нихъ вліяніе. Мусульманство дало инородцамъ простыя молитвы, не требовавшія дорогихъ храмовъ, дало дисциплинированный домострой, школу и въ надобныхъ случаяхъ—защиту отъ нашихъ властей.

До какой степени была непостоянна правительственная политика грустной поры нашего XVIII вѣка, можно убѣдиться, напр., изъ слѣдующихъ Высочайшихъ указовъ: 6 апрѣля 1731 г. и 11 сентября 1740 г. и др. (Полн. собр. зак., томъ VIII, № 5737, и томъ XI, № 8236) рекомендуютъ въ большомъ рядѣ пунктовъ цѣлую вереницу весьма гуманныхъ воздѣйствій и снисходительныхъ льготъ. Эти мѣры были приняты подъ очевиднымъ впечатлѣніемъ массовыхъ отпаденій инородцевъ въ мусульманство. А указомъ 20 февраля 1761 г. (ibid., томъ XVI, № 12126) повелѣно: «Учрежденнымъ въ Казанской губерніи для обученія новокрещенскихъ дѣтей школамъ не быть»... Въ концѣ XVIII в. была закрыта въ Казани большая новокрещенская школа и даже сломана Захаріе-Елисаветинская церковь этой школы...

Эти дѣйствія и вліянія неподволь привели къ ослабленію нашего миссіонерства. Чтобы освѣтить ловкость и настойчивость мусульманъ въ достиженіи своихъ цѣлей, достаточно сказать, что они поняли даже образъ мыслей нашихъ высшихъ сферъ во второй половинѣ XVIII вѣка. На струнахъ увлеченія философіею энциклопедистовъ, подъ предлогомъ свободы вѣры и заботы о духовныхъ нуждахъ, наше правительство не только создало центральную магометанскую силу въ видѣ учрежденія должности уфимскаго муфтія (т.-е. нѣчто въ родѣ патріарха русскихъ мусульманъ), но даже и помогало строить мечети. Въ башкирскихъ и киргизскихъ мѣстностяхъ даже глядѣли сквозь пальцы, какъ мѣстныя администраціи силою загоняли въ тѣ мечети без-

призорныхъ инородцевъ. Правительство XVIII вѣка какъ бы увлеклось болѣе высокою степенью мусульманства въ сравненіи съ господствовавшимъ язычествомъ и смотрѣло на омусульманеніе инородцевъ, какъ на несомнѣнный прогрессъ.

Однако, начавшіяся вслѣдъ затѣмъ массовыя отпаденія инородцевъ въ мусульманство встревожили наше правительство не на шутку. Къ чести нашей администраціи конца XVIII вѣка, надо сказать, что лучшіе ея умы догадались о грядущей бѣдѣ для православія (но—только православія!), равно и о большей выгодѣ для Россіи привлечь сердца иновѣрцевъ, чѣмъ отступиться отъ нихъ—и уже навсегда. Эти лучшіе умы догадались, что для инородцевъ нужны русская вѣра и школа въ видѣ православной молитвы и выучки на *ихъ родномъ* языкѣ и притомъ по книгамъ, напечатаннымъ *русскими* буквами.

Эта гуманная и дальновидная мысль испытала, однако, у насъ давно привычную канцелярскую волокиту. Ильминскій оставилъ намъ широкую картину развитія этой мысли въ книгѣ: «Опыты переложенія христіанскихъ вѣроучительныхъ книгъ на татарскій и другіе инородческіе языки въ началѣ XIX столѣтія» (Казань, 1885). Здѣсь собраны оффиціальные матеріалы русскаго миссіонерства, глубоко поучительные даже и для будущаго времени, особенно же въ далекой Закаспійской окраинѣ.

Тамъ и теперь идетъ скрытное сепаративное движеніе, иногда прорывающееся даже и среди глубокаго такта мусульманства, даже и на глазахъ современной администраціи. Примѣръ тому—недавній Андижанъ.

Явленія эти, какъ и подобныя имъ, въ общемъ, слишкомъ сложны и глубоки, чтобы обсуждать ихъ здѣсь хотя кратко, даже въ главнѣйшихъ чертахъ. Предѣлы настоящей статьи, посвященной собственно вопросу объ образованіи восточно-русскихъ инородцевъ, не позволяютъ сдѣлать даже и возможно-широкія обобщенія. При всемъ уваженіи ко всякому исповѣданію, при всемъ желаніи быть вполнѣ вѣротерпимыми, нельзя не признать и того, что смѣшеніе понятій о свободѣ исповѣданія и о свободѣ религіозной пропаганды вообще приводитъ къ крупнымъ недоразумѣніямъ. При тѣсной связи разныхъ вспышекъ съ существующими и возникающими бытовыми, религіозными

и политическими условіями разныхъ народовъ, такое смѣшеніе особенно легко. Въ предѣлахъ настоящей статьи желательно лишь отмѣтить невозможность смѣшенія окраинъ Россіи съ ея внутренними территоріями,—невозможность сблизить самое открытое, простое, высоко-гуманное школьное миссіонерство съ присущимъ иному исповѣданію религіозно-политическимъ движеніемъ. Если никакая религіозная дисциплина въ мірѣ не можетъ быть оскорблена въ томъ, что она имѣетъ свое искреннее, вѣковое, неотторжимое, святое прошлое въ сердцахъ людей, то это не значитъ, чтобы тѣмъ устранялись государственные интересы и величайшій изъ человѣческихъ *мирныхъ* прогрессовъ, т.-е. умственныя и неразлучныя съ ними религіозныя движенія впередъ. Права и обязанности какъ государства, такъ и двигателей прогресса могутъ мѣстно не только не исключать другъ друга, но, напротивъ, могутъ и совершенно совпадать между собою. Все дѣло въ томъ, чтобы регулированіе этихъ отношеній было полно ума, честности и открытаго довѣрія. Культурное завоеваніе Россіею своихъ внутреннихъ инородцевъ, какъ сущее благо для нихъ, какъ сущая *обязанность* Россіи, на самомъ дѣлѣ нисколько не касается мусульманства, какъ исповѣданія. Прошлое въ этомъ дѣлѣ есть выразительное доказательство сдѣланныхъ, частью же и дѣлаемыхъ ошибокъ, избѣжаніе которыхъ для будущаго Россіи совершенно необходимо. Это будущее должно быть въ дѣлѣ инородцевъ устроено истинно-отечески, съ истинною любовью къ свѣту ученья и съ высокимъ уваженіемъ къ бытовымъ и племеннымъ особенностямъ инородцевъ. Только при такомъ направленіи государственныхъ воздѣйствій можно будетъ ждать спокойнаго и благодѣтельнаго будущаго для всѣхъ инородцевъ и ихъ братьевъ,—русскихъ людей.

IV.

До чего, въ началѣ XIX вѣка, медленно шло осуществленіе гуманныхъ мѣръ, намѣченныхъ къ религіозному просвѣщенію инородцевъ, видно изъ того, что вновь учрежденныя школы для инородцевъ считались единицами въ районахъ съ десятками тысячъ инородцевъ; не менѣе ха-

рактерно и то, что даже 50 лѣтъ тому назадъ профессоръ Казембекъ переводилъ для татаръ еще самые, такъ сказать, «ходовые» наши молитвенные тексты. До чего мало были выработаны въ это время подробности переводческаго дѣла—достаточно сказать, что тотъ же Казембекъ переводилъ для татаръ-крестьянъ наши тексты на книжно-татарскій языкъ, какъ извѣстно, переполненный арабизмами. Переводы эти печатались арабскимъ шрифтомъ и точно будто бы предназначались для ознакомленія муллъ съ нашимъ богословіемъ и богослуженіемъ, а не для растворенія къ православію простыхъ сердецъ, жаждавшихъ самой понятной молитвы. Вѣроятно, муллы и были единственными читателями переводовъ Казембека.

Въ отвѣтъ на начало нашихъ переводовъ мусульманская пропаганда проснулась вновь. Опять началась усиленная постройка деревянныхъ мечетей, стоимость которыхъ не дороже 3-хъ, 4-хъ избъ: опять умножилось число мусульманскихъ школъ, дешевизна которыхъ была только удивительна. Разрозненная, безсистемная борьба нашего миссіонерства, безъ книгъ, только съ увѣщаніями чуть ли не на русскомъ языкѣ, была, очевидно, неудачна. Усилились и участились массовыя отпаденія, пріобрѣтшія уже очевидную сепаративную окраску. Дѣло приняло послѣ Севастополя столь тревожный характеръ и охватило столь обширную территорію, что русская администрація, хотя не надолго, но задумалась надъ соціальнымъ значеніемъ такого движенія и надъ годностью бывшихъ у насъ средствъ для борьбы. Устрашенія отпавшихъ судомъ, ссылкою въ Сибирь стали уже вполнѣ безполезны, вредя намъ еще болѣе обострявшимся раздраженіемъ фанатиковъ.

Въ это именно время, т.-е. къ 60-мъ годамъ, выработался уже готовый планъ въ геніальной головѣ Ильминскаго. Главная идея этого плана уже была указана выше. Христіанское воспитаніе и обученіе инородцевъ, положенное въ основу плана, вели за собою и обрусѣніе инородцевъ силою общедоступной молитвы и общественнаго богослуженія на родномъ языкѣ. Школы предполагались самыя недорогія.

Школа для инородцевъ была логически создана Ильминскимъ изъ наблюденій надъ всѣмъ хорошимъ въ му-

сульманской и русской народной школѣ. Это лучшее было взято во вновь создаваемую школу лишь въ мѣрѣ возможнаго къ совмѣстному существованію.

Мусульманская школа была хороша своею религіозностью, дешевизною и свободою учителя отъ всякаго контроля.

Русская школа была лучше мусульманской болѣе широкимъ курсомъ наукъ и особенно церковнымъ пѣніемъ; но она страдала непомѣрнымъ и ненадобнымъ множествомъ всякаго начальства, стѣснявшаго свободу школы и вредившаго достоинству учителя.

Мусульманскихъ школъ было множество, русскихъ же вполнѣ ничтожное число.

Творческая работа Ильминскаго создала дешевую школу для инородца съ сильнымъ подъемомъ религіозности, но безъ фанатизма. —съ полною свободою курса ученья и дѣятельности учителя; особенно выдавалось сильное развитіе церковнаго пѣнія и умно поставленный курсъ русскаго языка, обязательный въ каждой школѣ.

Обрусѣніе инородцевъ понималось Ильминскимъ отнюдь не какъ насильственное и потому обидно-форсированное обученіе русскому языку, а какъ мирное завоеваніе инородческихъ душъ и сердецъ «русскою вѣрою», усваиваемою на языкѣ инородца,—какъ завоеваніе съ помощью свободнаго, благодарнаго за ученье чувства.

Именно въ этомъ смыслѣ и уставилось слово «обрусѣніе» еще 40 лѣтъ назадъ. Позднѣе появилось новое словечко «обрусеніе» (черезъ «е»), производимое отъ глагола «обрусить», т.-е. заставить инородца быть русскимъ, а не предоставить ему самому «обрусѣть» добровольно.

Въ школахъ Ильминскаго соотношеніе преподаванія на родномъ языкѣ и на русскомъ, конечно, зависѣло отъ степени владѣнія инородцами русскимъ языкомъ въ данной мѣстности. Начало обученія и воспитанія было на инородческомъ языкѣ. По мѣрѣ усвоенія школою языка русскаго, преподавательскій языкъ, тотъ или другой, могъ мѣняться ранѣе, или позднѣе. Но пѣніе въ школѣ, какъ и богослуженіе въ приходѣ, было болѣе предпочтительно на языкѣ инородцевъ.

Въ послѣдней области, такъ сказать религіозно-художественной, школа завоевывала себѣ самое обширное влія-

ніе въ своемъ околодкѣ, становясь на первое мѣсто послѣ храма. Пѣніемъ школа тѣсно связывала себя съ своею деревнею, поучала и умиляла отцовъ и матерей, особенно же стариковъ.

Въ отвѣтъ на ожидаемое отъ инородца благодарное къ намъ чувство за свѣтъ ученья, понятную молитву, за братское съ нами общеніе въ храмѣ, Ильминскій прозорливо угадалъ и *повышеніе нашего уваженія къ инородцамъ, усиленіе нашего общенія съ ними и оттого еще болѣе скорое довѣріе и обрусѣніе инородцевъ*. Ильминскій вполнѣ понялъ силу чувства инородца и не ошибся въ томъ, что инородецъ самъ, добровольно, пойдетъ ко всему русскому, если мы будемъ уважать языкъ инородца и не стѣснимъ его религіозной свободы. И опытъ 30 лѣтъ безповоротно доказалъ, что Ильминскій былъ глубоко правъ, довѣряя уму и чувству инородца. Инородцы дѣйствительно *сами* пошли учиться въ предложенныя имъ школы, *сами* безповоротно отвернулись отъ бывшей духовной тьмы и обрусѣли совершенно въ очень многихъ мѣстахъ, гдѣ утвердились многія старыя школы.

Именно эти учившіеся инородцы доказали вѣрность обрусѣнія ихъ по системѣ Ильминскаго. Теперь въ старыхъ школахъ учатся ихъ дѣти, и едва ли сыщутся между ними хотя бы немногіе, *душа и сердце* которыхъ не обрусѣли бы въ семьяхъ, еще до школы. Во второмъ поколѣніи—это уже не «меньшая братія», не пріемные, а наши родные братья, хотя ихъ въ минуту можно узнать по выговору.

Конечно, въ оцѣнкѣ будущихъ отношеній между русскими и инородцами могъ тогда разобраться только умъ Ильминскаго. Онъ не побоялся рекомендовать и средства для образованія инородцевъ и для отвоеванія ихъ къ намъ отъ мусульманъ. Это средство—нашъ открытый, благородный трудъ и достойное исполненіе евангельской заповѣди «возлюбиши ближняго». Только отличное знаніе психологіи инородчества привело Ильминскаго къ вѣрной мысли о возможности безповоротно завоевать инородцевъ, пріобрѣтя въ нихъ искреннихъ и полезныхъ подданныхъ Россіи; только просвѣщенное и точное пониманіе мусульманства помогло Ильминскому подмѣтить слабыя его стороны при

встрѣчѣ съ инородчествомъ; только глубокое проникновеніе въ область грубости бывшихъ миссіонеровъ, администраторовъ, а за ними и у русскаго населенія, помогло Ильминскому угадать и у насъ чувство братства съ инородцами. Ни долго-приниженное положеніе ихъ въ прошломъ, ни наша привычка смотрѣть на инородца свысока не помѣшали Ильминскому указать всѣмъ на достойное христіанства и Россіи наше совмѣстное будущее.

Ильминскій угадалъ и то, что инородцы, давно отпавшіе въ мусульманство, уже стали фанатиками и трудно возвратимы къ православію; что, тѣмъ болѣе, попытки крестить коренныхъ мусульманъ есть занятіе не только безполезное, строго же говоря,—непозволительное, но и очень опасное предпріятіе, пожалуй,—совсѣмъ непадобное.

Совсѣмъ иное дѣло—участливо *уберечь въ православіи* склонныхъ къ отпаденію: здѣсь не дразнился бы мусульскій фанатизмъ, и трудное дѣло было бы правильно съ юридической и нравственной стороны. Эти инородцы когда то, формально, были христіанами, хотя и нетвердыми, но внутренно еще переживавшими цѣлую трагедію. Между ними, чуждыми намъ по крови и языку, были и крещеные татары, жившіе рядомъ съ мусульманами, энергія которыхъ не могла не чувствоваться. Тѣ же инородцы видѣли равнодушіе къ нимъ русскаго населенія и хорошо знали мѣру его отношеній, грубыхъ и оскорбительныхъ. Крещеные татары въ этомъ отношеніи не могли не быть щепетильными гораздо болѣе другихъ инородцевъ. Поэтому понятно, почему именно за нихъ, за крещеныхъ татаръ, какъ за самую трудную часть своего дѣла, Ильминскій взялся прежде всего. Миссія Ильминскаго не оскорбляла мусульманства, глубоко удовлетворяла крещеныхъ татаръ и была безукоризненною съ формальной стороны. Это начало просвѣщенія было въ то же время самымъ очевиднымъ благомъ и свободнымъ прогрессомъ. Здѣсь Ильминскій впервые узналъ, мѣру благодарности инородцевъ, простившихъ намъ прошлое и оказавшихся совсѣмъ неглупыми, какъ думали о нихъ многіе. Сила этого впечатлѣнія на Ильминскаго была такъ велика, что инородцы сразу выросли въ его глазахъ до степени населенія, въ высшей степени надобнаго для Россіи, а религіозно-воспитательное образованіе инородцевъ—до степени

совершенно неотложной необходимости. Подъ сплою этого впечатлѣнія и самъ Ильминскій переродился въ государственнаго дѣятеля, въ высоко-культурнаго просвѣтителя.

V.

Лѣтомъ 1862 г. Н. И. Ильминскій ѣздилъ въ село Тавели, Мамадышскаго уѣзда, Казанской губ., и отыскалъ тамъ въ сосѣдней деревнѣ молодого старо-крещенаго татарина Василія Тимоѳеева, своего будущаго сотрудника. Они сдѣлали въ это лѣто первые переводы нашихъ богослужебныхъ текстовъ на *народный* языкъ. Поводомъ къ рѣшимости взять на себя огромный переводческій трудъ послужилъ опытъ съ новыми переводами и сравненіе впечатлѣній на крещеныхъ татаръ отъ переводовъ проф. Казембека. Книжно-мусульманскій языкъ послѣднихъ, совершенно непонятный для татаръ деревенскихъ, сразу уступилъ народному языку. За новою работою Ильминскій вгляделся въ Василія Тимоѳеева и накрѣпко «обратилъ его въ свою вѣру». Въ эту же осень новообращенный переѣхалъ въ Казань, а затѣмъ явился татарченокъ,—первый ученикъ знаменитой потомъ «Казанской центральной крещено-татарской школы».

Спустя 9 лѣтъ попечитель Казанскаго учебнаго округа, Петръ Дмитріевичъ Шестаковъ, такъ обрисовалъ это знаменательное событіе: «первая въ нашемъ краѣ инородческая школа зачалась въ душной, подвальной комнатѣ,—зачалась безъ всякихъ средствъ, безъ всякихъ, повидимому, задатковъ, потому что ученикъ былъ одинъ, и этого единственнаго ученика училъ простой старокрещеный татаринъ, которому самому надо было учиться очень многому... Это было, поистинѣ, зерно, брошенное на скудную, мало обѣщавшую почву. Но согрѣвалась эта почва горячею, безграничною любовью къ дѣлу христіанскаго просвѣщенія инородцевъ и къ дѣтямъ, поступавшимъ въ школу; поливалась и оплодотворялась эта почва неустаннымъ трудомъ, сердечнымъ религіознымъ чувствомъ и теплой молитвой. И Богъ благословилъ дѣятелей,—и школа дала стократный плодъ». «Самъ Государь Императоръ (т.-е. Александръ II) въ этомъ самомъ домѣ соизволилъ сказать крещенымъ ро-

дителямъ обучающихся здѣсь дѣтей драгоцѣнныя слова: «Я очень радъ, что ваши дѣти учатся здѣсь, и увѣренъ, что они выйдутъ отсюда хорошими христіанами» *).

Глубоко вѣрна дѣйствительности эта обрисовка дѣла. Ее можно дополнить лишь тѣмъ, что инородческія школы-отрасли невольно продолжали ту естественную, непринужденную школьную систему, которая такъ просто и такъ трогательно создалась сама собою въ школѣ Казанской. У инородцевъ и у ихъ дѣтей оказалось столько ума и чувства, столько практической сметки, что ихъ школы сразу уставились въ простомъ типѣ школы грамоты, именно народной. Эти школы, уча дѣтей, едва ли не болѣе свѣтили въ сердцахъ ихъ родителей и тѣмъ начали истинно просвѣтительное, воспитывавшее обрусѣніе народныхъ массъ. Инородцы какъ-то особенно-трогательно поняли сказанныя имъ слова: «если не будете какъ дѣти—не войдете въ царство небесное». Какъ сущіе дѣти, инородцы послушались и пошли въ школу. Отцы, учась у дѣтей своихъ, подчеркнули тѣмъ, что именно такая школа отвѣчаетъ мѣрѣ ихъ требованій.

Судьба привела меня очень близко стоять къ этому истинно-поэтическому эпизоду въ исторіи русскаго просвѣщенія. Ильминскій взялъ меня съ собою въ с. Тавели, и я самъ видѣлъ призваніе Василія Тимоѳеева на совмѣстный подвигъ. На моихъ глазахъ полюбили другъ друга блестяще-образованный профессоръ и полуграмотный крестьянинъ. При мнѣ же затѣмъ развилась Казанская школа, въ которой я зналъ всѣхъ учениковъ. При мнѣ же было открыто Казанское Братство святителя Гурія и Казанская инородческая учительская семинарія. Въ послѣдней я былъ сотрудникомъ Ильминскаго 17 лѣтъ.

Теперь уже и я—отставной учитель, видѣвшій, однако, на своемъ вѣку многое поучительное по части народной школы. Поэтому я могу, въ случаѣ нужды, и доказать, что не только необходимо и возможно продолжить, но надо

*) Изъ рѣчи И. Д. Шестакова, сказанной 26-го октября 1872 г. при открытіи Казанской учительской инородческой семинаріи, временно помѣстившейся въ большомъ домѣ крещено-татарской центральной школы. Царскія слова увѣковѣчены въ школѣ на большой мраморной доскѣ.

и расширить дѣло Ильминскаго, какъ доказанное на опытѣ 30 лѣтъ и *разсчитанное именно на продолженіе и расширеніе въ данномъ направленіи*. Я полагаю, что временное угнетеніе дѣла Ильминскаго говоритъ не о вырожденіи бывшаго здоровымъ, не о надобности исправлять полезное и прекрасное, а говоритъ лишь о случившемся недоразумѣніи. Я полагаю также, что дѣло Ильминскаго, хотя бы въ память его подвига, имѣетъ свои неотторжимыя права. Мы обязаны уважать этотъ подвигъ въ продолженіи его другими людьми, также какъ и оберечь законную правоспособность дѣла. Надобно же, наконецъ, и давно пора сказать эту «правду-матку», пусть ее знаютъ всѣ!

VI.

Позволю себѣ кратко сказать о самосоздавшемся бытѣ инородческой школы. Система Ильминскаго возникла въ своемъ практическомъ осуществленіи въ незабвенные 60-е годы и, конечно, была насквозь пропитана освободительными идеями. «Свобода», конечно, не есть разпузданность, какъ и «казенщина» не можетъ быть инсинуаціей по адресу начальства. Школьная «свобода» есть добровольное самоограниченіе въ уваженіе свободы другихъ: эта свобода есть вмѣстѣ и строжайшая дисциплина, но добровольная, направляемая ласково, а не создаваемая устрашающимъ учителемъ. «Казенщина» есть то насиліе, которое угнетаетъ дѣтей, не понимающихъ ея порядковъ и потому всегда виновныхъ въ нарушеніи чуждой имъ дисциплины.

Школьный учитель есть тотъ свободный художникъ, который разыгрываетъ на свободной отъ нечисти нѣжной дѣтской душѣ только дѣтскія пьесы, надобныя только для дѣтей, а не для «прохожденія программъ».

Несвободный учитель не можетъ быть учителемъ, ибо его ученики, въ частностяхъ даже начальныхъ курсовъ общечеловѣческой выучки, не получаютъ полнаго удовлетворенія своей любознательности. У несвободнаго учителя дѣти не радуются, а систематично огорчаются и даже оскорбляются въ своей свободѣ душевной. Прибавивъ сюда «казенщину», какъ обязательную рутину, непосильную отчетность, оскорбляющую и изводящую учителя, получаемъ

работника, вѣчно оскорбленнаго, вѣчно дрожащаго за завтрашній кусокъ хлѣба, постоянно нервнаго, грубаго съ дѣтьми.—жалкаго, приниженнаго подонщика. У такого учителя ясныя дѣтскія души невольно лгутъ, грубятъ, лѣнятся, озорничаютъ или, попросту сказать, постепенно разстраиваются нервами и портятся душевно. Совсѣмъ не то свободно учащіеся, всегда веселые въ трудѣ, всегда веселые въ душѣ, полные неудержимой любознательности, истинно-дѣтской наивности.

Невольно припоминаю я первую встрѣчу архіепископа Аѳанасія съ учениками Казанской школы. Владыка, задолго до того, очень косился на «мужика», «водовоза» Василія Тимоѳеева. Но, едва увидавъ дѣтей, владыка невольно сказалъ: «Славныя дѣти! Какой у нихъ ясный взглядъ!» Другого впечатлѣнія, впрочемъ, и не могло быть. Это знаетъ всякій любящій отецъ, всякая мать, всякій учитель, всякій видавшій хорошую семью, или хорошую школу. Чистота и ясность дѣтскихъ глазъ, доброе сердце и простой дѣтскій умъ—картина слишкомъ общедоступная и общеизвѣстная,—къ сожалѣнію, только въ дошкольномъ возрастѣ нашихъ дѣтей.

Школы Ильминскаго, собственно говоря, и не могли принадлежать оффиціально съ такою подкладкою ни къ какому «вѣдомству». А именно такая подкладка была необходима и единственно возможна.

Школы Ильминскаго процвѣтали именно на этой почвѣ и принесли огромную пользу инородцамъ.—онѣ существовали внѣ всякихъ циркуляровъ, внѣ чиновничьяго контроля и руководства. Для веденія дѣла простецу-учителю, начавшему утомляться, достаточно было отдохнуть въ бесѣдѣ съ «Василь-атемъ», или съ «Никола-бабаемъ *), или получить отъ нихъ отвѣтъ на письмо.

Единственнымъ закономъ здѣсь былъ неустанный, подвижническій трудъ учителя, мощная сила воли и любви къ просвѣщенію и къ дѣтямъ. Учитель и его школа были совершенно свободны; поэтому они работали, какъ пчелиный улей, въ величайшемъ порядкѣ и трудѣ; поэтому школа Ильминскаго была изумительна въ своей дешевизнѣ

*) Т.-е. съ „отцомъ Василіемъ“ и „дѣдомъ Николаемъ“.

и въ успѣшности ученья. Она давала то, что могла дать и, къ счастью, ее не заставляли давать то, чего она не могла давать.

По естественному, свободному развитію самаго дѣла, изъ Казанской школы Ильминскаго въ первые годы, конечно, не могли выходить ученики, прошедшіе опредѣленную научную программу. Далеко нѣтъ! Но изъ нея выходили юноши крѣпкаго закала въ любви къ свѣту ученья, въ уваженіи къ добру и правдѣ, истинно готовые къ самоотверженности для блага ближняго, истинно строгіе къ самимъ себѣ. Это—самый несомнѣнный фактъ. Изъ школы Ильминскаго были выбраны первые обнаружившіе даръ учительства,—люди яснаго ума, чистые душею и сердцемъ, люди умилительной молитвы, чудные пѣвцы. Они были неудержимо свободны и превосходно дисциплинированы. Оттого Казанская крещено-татарская центральная школа скоро прославилась славою доброю, скоро отрокла отъ себя школы-отрасли, такія же свободныя и самоотверженныя; оттого дѣло Ильминскаго дало дѣйствительно плодъ сторицею, и тотъ плодъ былъ добрый.

Но какъ же достигъ Ильминскій такихъ результатовъ? Отвѣтимъ пока: Ильминскій вѣрилъ людямъ, умѣлъ цѣнить и беречь ихъ. Ильминскій высоко уважалъ свободу каждаго работника, не мѣшалъ учить и не мѣшалъ учиться.

VII.

На вопросъ: какъ же достигъ Ильминскій такихъ результатовъ?—можно еще отвѣтить такъ: дѣло Ильминскаго для людей, простыхъ умомъ и полныхъ вѣры,—просто, ясно для пониманія и легко для исполненія; но для людей, вѣрящихъ въ надобность педагогическаго искусства, непремѣннаго руководства и опеки,—дѣло Ильминскаго непонятно, странно, даже и «неблагонадежно». О возможности послѣдняго, особенно теперь, распространяются всякіе слухи и мотивировки: Ильминскаго-де уже нѣтъ, время другое, дѣло развилось, нѣтъ людей, сепарація очевидна, наблюденіе необходимо и т. д.

Конечно, и прежде бывали близорукіе ревнители не хуже нынѣшнихъ, но времена были, дѣйствительно, другія,

да былъ живъ и Ильминскій. Онъ имѣлъ мужество во-время махнуть на нихъ рукой и съумѣлъ, какъ было сказано, заблаговременно обезвредить ихъ козни.

Для «обращенія въ свою вѣру» Ильминскому были надобны у каждаго: «хорошій, дальновидный умъ и доброе, правдивое сердце»; изъ этихъ двухъ само собою выростало «гражданское мужество» новообращеннаго. Да и скольких же вразумилъ Ильминскій обаятельною красотою своего дѣла и своею ему службою! Значатся въ этомъ спискѣ и архіерей, и министры, и купцы, и скептики-чиновники, и священники, и крестьяне, и земцы... Бывали потомъ между ними и малодушные, даже оказывались и предатели... но преданныхъ и вѣрныхъ друзей было и осталось гораздо больше. Много ихъ, готовыхъ къ труду, здравствуетъ и до сихъ поръ, а теперь есть и много друзей новыхъ, даже и такихъ, которые когда-то смалодушничали, но потомъ «пришли въ себя».

Только необычайнымъ умомъ, знаніями, силою своей вѣры и святостью дѣла могъ Ильминскій обратить къ инородцамъ столькихъ людей. Но еще болѣе владѣлъ Ильминскій терпѣніемъ, принимаясь по 2—3 раза обходить надобнаго человѣка, кротко и подолгу перенося его «твердость убѣжденія». Бывали, однако, случаи, когда лопалось терпѣніе и у Ильминскаго, когда покидала даже и его неразлучная съ нимъ сдержанность. За 25 лѣтъ я видѣлъ 2—3 вспышки, когда кроткій Ильминскій терялъ всякое самообладаніе. Излишне говорить, что такой гнѣвъ вызывали именно «стойкіе» люди, особенно напиравшіе на извращаемый ими «законъ». «А вотъ каковъ я есмь», —воскликнулъ однажды Ильминскій, гнѣвно стоя передъ своимъ начальникомъ, «такимъ и останусь, а меня, ваше—ство, прошу не учить!» —«Экая мельница! взволновался Ильминскій въ С.-Петербургѣ,—только и мелетъ по №, на какой его поставили, да уповаетъ на секретные циркуляры! и еще кричитъ: «Законъ», а въ головѣ-то солома,—это ли не беззаконіе!» —«Я не могу васъ видѣть больше,—уйдите!» —воскликнулъ однажды Ильминскій, возмущенный упрямыми и недобрыми выходками братчика-архіерея по адресу инородцевъ. Но надо было сильно огорчиться Ильминскому отъ какого-нибудь властнаго скудоумца, чтобы прогово-

риться даже въ кругу друзей. Обыкновенный маневръ его былъ въ томъ, что, спохватившись, онъ заводилъ бесѣду въ сторону и наивно спрашивалъ: «О чемъ, бишь, я говорилъ?»

Зато и какъ же благодарно, какъ нѣжно любилъ Ильминскій своихъ друзей! какъ умѣлъ онъ прощать тѣхъ, кто «пропадалъ и нашелся»!

Конечно, легче «обращались въ вѣру» молодые и способные люди. Они закалывались Ильминскимъ до твердости въ подвигѣ и посылались на «стратегическіе пункты» съ большимъ выборомъ. Видалъ я не мало такихъ «посланныхъ». Они знали немногое, но были завидно-сильны вѣрою; въ простотѣ сердца они радостно шли, за 2—3 рубля въ мѣсяцъ, на учительскій подвигъ въ захолустныя, религіозно-волнующіяся деревни. Я помню юношу-учителя, котораго язычествующая мордва встрѣтила съ кольями и избила до полусмерти; но юноша остался и, 2—3 года спустя, представилъ, удивившій всѣхъ, міркой приговоръ... Эти же язычники постановили о томъ, что они выстроятъ не только новую школу, но и церковь, при условіи, однако, чтобы ихъ священникомъ-учителемъ былъ именно этотъ, когда-то побитый... Я зналъ черемисина,—нынѣ игумена; этотъ питомецъ, ставъ священникомъ, сдѣлался невольнымъ обличеніемъ прозаическихъ батюшекъ и камилавокъ: овдовѣвъ, онъ сталъ истый, кроткій монахъ-учитель и сущая «свѣча Божія», сущая «соль земли русской». И такихъ—очень много.

«Переписка о трехъ школахъ Уфимской губерніи» (Казань, 1885 г.) нарисовала совершенно ясную картину взгляда Ильминскаго на сельскаго учителя и даетъ отличные портреты «избранныхъ» для уфимскихъ школъ. Появленіе ихъ на мѣстѣ вызвало недоумѣніе уфимцевъ, предположившихъ «ошибку» Ильминскаго. Уфимцы, увидавъ такихъ страшныхъ учителей, даже рѣзко отписали про «какихъ-то мальчиковъ, ничего не знающихъ, заучившихъ нѣсколько молитвъ и едва умѣющихъ читать и писать». «Извините за откровенность,—писалъ одинъ изъ власть имущихъ Ильминскому,—я совершенно противъ вашихъ «апостоловъ»... Съ этими «апостолами» изъ крещено-татарской школы мы насѣемъ такихъ сектъ, за которыя потом-

ство не скажетъ спасибо Миссіонерскому Обществу; позволяю себѣ просить ваше—ство повременить открытіемъ школы въ А. впредь до болѣе серьезнаго обсужденія этого важнаго вопроса».

«Душевно благодаренъ, — отвѣчалъ Ильминскій, — за мысли и сужденія, высказанныя прямо, рѣзко и безъ обиняковъ... Вы пишете, что основанная мною школа въ У. была внѣ вліянія училищнаго совѣта и директора училищъ... что я «не поручилъ учителя надзору благочиннаго» и затѣмъ—цѣлая поэма Ильминскаго на темы: «Мѣстный священникъ свидѣтельствуетъ объ усердіи В. В. и его учениковъ, съ любовью (замѣтьте—*съ любовью*) стекающихся въ училище»... Насчетъ «апостоловъ»: «Такое явленіе на первый взглядъ странно, необъяснимо и невѣроятно: но оно объяснится, если припомнимъ: ...«если не будете, какъ дѣти, не войдете въ царство небесное»... «Богъ избралъ безумное міра, чтобы посрамить мудрыхъ»; и немощное міра избралъ Богъ, чтобы посрамить сильное; и незнатное міра, и уничиженное, и ничего незначущее, чтобы упразднить значущее, ибо написано: погублю мудрость мудрецовъ и разумъ разумныхъ отвергну».—«Вотъ гдѣ разгадка»... «А смотря на дѣло практически,—продолжаетъ Ильминскій,—остерегайтесь ученыхъ и слишкомъ развитыхъ учителей и подвергайте ихъ болѣе тщательному надзору, чѣмъ простыхъ, безотчетно нравственныхъ и въ простотѣ души вѣрующихъ»... «не глумитесь надъ этими, какъ вы говорите, «апостолами»... пусть ограничатся они немногими основными и существенными катехизическими понятіями, по слову апостола: «я васъ питалъ молокомъ, а не твердою пищею, ибо вы еще не духовны»: для инородцевъ пока нужно немногое»... Длинное, некрепкое письмо Ильминскаго кончается такъ: «Я не изъ тѣхъ, которымъ правда глаза колетъ... Или вы меня убѣдите, или я васъ долженъ убѣдить... Мой взглядъ не съ вѣтра взятъ, а достался путемъ долгихъ изученій и путешествій... Терпѣливо буду ждать порѣшенія уфимскаго губернскаго училищнаго совѣта»...

Немного спустя, «новообращенный» уфимецъ писалъ Ильминскому: «Я спрашивалъ мужичковъ и башкиръ о школѣ въ У. и отзывы получалъ самые пріятные. Въ У.

я пріѣхалъ нечаянно. Учитель опрятностью, свѣжимъ и пріятнымъ личикомъ *съ перваго взгляда располагаетъ въ свою пользу. Въ училищѣ опрятно. Ученики тоже чистенькіе, незапуганные, отвѣчали на мои вопросы не торопясь, обдумывая отвѣты.* Въ другой комнатѣ я нашелъ дѣвочекъ, которыя тоже очень мило держатъ себя и очень порядочно читаютъ и шпшутъ.

«Умѣнье учителя склонить родителей поручить ему своихъ дочерей —вполнѣ расположило меня къ учителю... *Я вотъ уже 3 года хлопочу о женскихъ школахъ, а Б. В. уже успѣлъ убѣдить полумаометанъ начать образовывать будущихъ матерей*» (курсивъ мой, —«Переписка», л. 17—56).

Дополню эту яркую картину тѣмъ, что Ильминскій, получивъ на *одну* уфимскую школу 200 рублей, не задумался раздѣлить ихъ на три школы и послать «малыхъ сихъ» на жалованье съ содержаніемъ школъ по 60—70 рублей въ годъ на каждую... (ibid., л. 12). Но вся «Переписка» свидѣтельствуетъ еще о гораздо большемъ: изъ нея видно, какое глубокое и властное значеніе придавалъ Ильминскій правильной и точной постановкѣ дѣла извнѣ, въ сношеніяхъ со всѣми власть имущими. Ильминскій не самовольничалъ и не заводилъ самовольничавшихъ школъ.

Онъ былъ точный, искусный, но вмѣстѣ съ тѣмъ и исключительно душевный администраторъ. Онъ обставлялъ дѣло бумагами со всею подробностью, но стоялъ горой за свободу своихъ «посланныхъ» учителей отъ всякаго писанья. Учителямъ онъ оставлялъ только учительскій подвигъ. Ильминскій не пахнулъ бюрократомъ, и его переписка за № такъ и бьетъ жизнью, убѣдительностью, выясняя душевную сторону дѣла и увлекая «въ свою вѣру».

VIII.

Самый типичный изъ «посланныхъ» Ильминскимъ «малыхъ сихъ» былъ, несомнѣнно, его сердечный другъ и сотрудникъ о. Василій Тимоѳеевъ (род. 1836 г., умеръ 2 декабря 1896 г. въ Казани).

Я живо помню вечеръ моего пріѣзда съ Ильминскимъ въ дер. Никифоровку. Въ возрастѣ 25—26 лѣтъ Василій Тимоѳеевъ плотничалъ поденно и былъ простой пахарь.

Мы провели въ Никифоровкѣ 2—3 дня. Въ эти дни Ильминскій самъ увѣровалъ въ духовныя силы найденнаго имъ самородка. До этой встрѣчи Ильминскій только слышалъ о Тимоѳеевѣ, какъ о когда-то желавшемъ поступить въ послушники.

Василій Тимоѳеевъ оказался, дѣйствительно, драгоцѣннымъ самородкомъ, притомъ очень крупнымъ. Это была какая-то особенно ясная, добрая душа, живо чувствовавшая: его умъ былъ совершенно простой, трезвый, способный сразу разобрать грязь и чистоту, ложь и правду; это былъ выносливый работникъ, совершенный безсребренникъ, истинный другъ людей и ученья.

Оригиналенъ формуляръ этого необыкновеннаго человѣка съ 1862 г.: сначала онъ—водовозъ въ Казанскомъ женскомъ монастырѣ, вскорѣ же учитель первыхъ татарчатъ, пріѣхавшихъ въ Казань. Въ 1864 г., къ негодованію многихъ, онъ—«практикантъ» татарскаго языка въ Казанской духовной академіи (конечно, со студентами-слушателями Ильминскаго). Въ эту же пору онъ ѣздитъ миссіонеромъ съ своими пѣвунами-татарчатами и вскорѣ печатаетъ свои несравненные «Дневники», приведшіе въ недоумѣніе столичныхъ дѣятелей. Послѣдніе не повѣрили наивной правдивости этихъ «Дневниковъ» и заподозрили редакторскія краски руки Ильминскаго... но болѣе чуткіе умы сейчасъ же угадали въ Василіи Тимоѳеевѣ нѣчто глубокое и вполнѣ новое. Затѣмъ Василій Тимоѳеевъ вырастаетъ *самостоятельно* (а этотъ курепвъ-мой) въ несравненнаго педагога, создавшаго внутренній дѣтскій бытъ въ крещено-татарской школѣ и подготовившаго рядъ превосходныхъ учителей, закаленныхъ имъ совмѣстно съ Ильминскимъ.

Затѣмъ о. Василій Тимоѳеевъ дѣлается возвышенно-служащимъ миссіонеромъ-священникомъ. Онъ уже очень опытный переводчикъ и руководитель большого дѣла. Горестная для него смерть Ильминскаго передаетъ ему въ руки все дѣло просвѣщенія крещеныхъ татаръ. Но кротость о. Василія стала еще больше, и его трудъ уже вырастаетъ изъ подвига въ возвышенное, неустанное подвижничество. Онъ весь—любовь къ ближнему, но осиротѣвшая его душа уже выходитъ изъ немощнаго тѣла,—онъ не

долго живетъ безъ своего славнаго друга — учителя Ильминскаго!

И у такого-то самородка были лютые враги, прости Господи! Они такъ и не нашли въ себѣ силы простить о. Василію Тимоѳееву непрохожденіе имъ духовной семинаріи, неимѣніе «правъ» учителя, его церковную службу и проповѣдь по-татарски, мужицкое происхожденіе... Чистая душа о. Василія такъ и ушла на тотъ свѣтъ, не появъ, за что бы могли враждовать съ нимъ тѣ, которыхъ онъ, недоумѣвая, все-таки любилъ и почиталъ?—за что могли ополчаться на трудъ его и Ильминскаго, если этотъ трудъ былъ очевидное благо ближнимъ?

IX.

Василій Тимоѳеевъ работалъ у самаго фундамента дѣла, т.-е. въ школѣ. Его всѣми силами оберегалъ Ильминскій. Самого Ильминскаго поддерживали и оберегали всѣми силами архіепископъ Казанскій Антоній († 1879 г.) и попечитель Казанскаго учебнаго округа Петръ Дм. Шестаковъ († 1889 г.).

Эти двое «обращенные» были такія же чистыя души, какъ и Ильминскій съ о. Василіемъ Тимоѳеевымъ. Они, высоко состоявшіе по службѣ въ Казани, смѣло поступились недостатками своихъ вѣдомствъ и, какъ мужественные друзья, какъ дальновидные умы и горячіе патріоты, благородно отбросили многое изъ недостойно обуревающаго всякихъ администраторовъ. Они утвердили дѣло Ильминскаго и въ Казани, и въ С.-Петербургѣ.

Дѣло Ильминскаго, дѣйствительно, нуждалось въ очень сильной и граждански-мужественной помощи и защитѣ. Нужна была не только широкая матеріальная помощь, но и защита отъ многихъ самолюбивыхъ и умничавшихъ изъ «сильныхъ міра сего». Къ тому же, какъ ни былъ могучъ подъемъ духа въ 60-хъ годахъ, все-таки упрямая бюрократія царила во всѣхъ департаментахъ, и канцелярская волокита для установленія «законныхъ основаній» дѣла Ильминскаго была вполнѣ неизбѣжна и необходима. Будущая пора, спокойствіе работы *продолжателей дѣла* прямо

требовали прочнаго обезпеченія, формулированнаго твердо, ясно, повелительно.

Какъ ни пламенно были увлечены архіепископъ Антоній и П. Д. Шестаковъ дѣломъ Ильминскаго, они не могли не понимать всей трудности хлопотъ въ С.-Петербургѣ, гдѣ имъ приходилось какъ бы открещиваться отъ опеки дѣла властью своихъ вѣдомствъ. Въ Казани такое открытое самоумаленіе было, конечно, много легче, такъ какъ здѣсь дѣло Ильминскаго стало уже гордостью и радостью лучшихъ умовъ.

Въ то время все дѣло Ильминскаго состояло только еще изъ одной Казанской крещено-татарской школы, ставшей уже знаменитою. Но возможныя расширенія горизонтовъ были логически очевидны. Они ясно обозначились по этнографическимъ пунктамъ и мѣстнымъ въ нихъ силамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ все дѣло было совершенно ново и неожиданно не для однихъ только С.-Петербургскихъ департаментовъ, еще не соображавшихъ издали подробностей и ширины Казанскаго просвѣтительнаго движенія. Та же несообразительность была у многихъ близорукихъ и самолюбивыхъ скудоумцевъ въ тогдашней Казани. Но оригинальная Казанская школа такъ глубоко и точно отвѣчала прямымъ требованіямъ крещеныхъ татаръ, такъ блестяще и убѣдительно отрицала на опытѣ тогдашнюю духовную и свѣтскую школу, такъ очевидно не подходила ни къ какому вѣдомству, что надобность изобрѣтенія новаго «вѣдомства» стала неотложною. И Ильминскій ничего такъ не боялся, какъ именно «передачи» своей школы: поэтому онъ всячески тянулъ время, чтобы установить по-своему законный видъ школы, не попадаясь до той поры въ шаблонный рядъ какого-либо чиновничьяго вѣдомства. «Передача» школы неизбѣжно вела чиновничій, шаблонный контроль, опеку, циркуляры, предписанія и пр., — слѣдовательно, сразу обезличивала школу, отнимая ея полную свободу и нарушая ея естественный ростъ.

Поэтому именно и до сихъ поръ Казанская крещено-татарская школа, какъ частное учебное заведеніе, состоитъ разомъ въ *отношеніяхъ* ко многимъ вѣдомствамъ, но, въ сущности, не подчинена ни одному изъ нихъ въ мѣрѣ общеизвѣстной зависимости и полной безотвѣтности. Поэтому

эта школа свѣтитъ еще до сихъ поръ, хотя уже давно надорвана ея бывшая полная свобода.

И именно тутъ поддержали Ильминскаго дальновидные и благожелательные архіепископъ Литовій и попечитель учебнаго округа П. Д. Шестаковъ. Именно здѣсь должно почтить ихъ память самымъ искреннимъ благодарнымъ словомъ. Они поддержали и осуществили мысль Ильминскаго о созданіи новаго и самостоятельнаго «вѣдомства». притомъ же въ самой Казани. Это «вѣдомство» было— «Казанское Братство святителя Гурія», наибольшая часть дѣятельности котораго предполагалась для помощи дѣлу Ильминскаго

X.

Въ тогдашней энергичной Казани съ десятками свѣтлыхъ умовъ можно было смѣло открыть благодѣтельное «Казанское Братство святителя Гурія». Дѣятельность этого Братства была такъ энергична, что, спустя 25 лѣтъ, Казанскій историкъ П. В. Знаменскій (а онъ. несомнѣнно, одно изъ яркихъ свѣтилъ русской науки) говоритъ о ней. какъ о «незабвенномъ событіи. имѣвшемъ громадные религіозно-просвѣтительные результаты для всего Казанскаго края». *). На открытіи Братства. 1 октября 1867 г.. предсѣдатель его, П. Д. Шестаковъ. въ привѣтственной рѣчи превосходно очертилъ предстоявшія задачи Братства. подробно остановившись на pro et contra инородческихъ школъ по системѣ Ильминскаго.

Братство сразу и горячо поддержало это дѣло, нисколько не стѣсняя его свободы.

Въ Братствѣ были всѣ авторитетные люди Казани. Они же собрали и немалыя деньги. Вскорѣ Братство устроило себѣ заступу въ Москвѣ. гдѣ увлеклось дѣломъ Ильминскаго Православное Русское Миссіонерское Общество. Здѣсь извѣстный публицистъ и патріотъ И. С. Аксаковъ мѣтко выразился за всѣхъ объ Ильминскомъ: «Благо есть такой человѣкъ,—надо имъ пользоваться». Мощная денежная по-

*) „На память о Ник. Ив. Ильминскомъ“, л. 205.

мощь Общества помогла расширить число школъ и переводныхъ изданій. Такимъ образомъ, и Казанское Братство скоро оказалось, какъ Казанская школа, такимъ же зерномъ, хотя и брошеннымъ на скудную почву, но давшимъ урожай сторицею. Понятно, что воодушевившійся Ильминскій заработалъ безъ всякаго отдыха, а за нимъ—и его сотрудники. Теперь дѣло находилось въ желательномъ «вѣдомствѣ»,—свободномъ, нечиновничьемъ.

Но архіепископъ Антоній и Шестаковъ глядѣли вдаль еще прозорливѣе. Обезпечивъ на мѣстѣ просвѣщеніе инородцевъ, они принялись утверждать въ С.-Петербургѣ его популярность и добиваться его оффиціальнаго обезпеченія, отстоявъ, однако, свободу дѣла въ Казани. Этимъ должно быть обезпечено, думали они, все отдаленное будущее просвѣщенія инородцевъ.

Извѣстно, что въ то время министромъ народнаго просвѣщенія и оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Синода былъ графъ Дм. Анд. Толстой. Разумѣется, Казанцы не замедлили обратить въ свою вѣру какъ его, такъ потомъ и его преемниковъ, т.-е. И. Д. Делянова и К. П. Побѣдоносцева. Такимъ образомъ, графъ Толстой, при проѣздѣ своемъ черезъ Казань, еще въ 1866 году, до открытія Братства, счелъ себя обязаннымъ въ средѣ Казанскихъ профессоровъ особенно подчеркнуть мѣру своего вниманія къ дѣлу образованія инородцевъ. Поэтому, когда дѣло было перенесено въ С.-Петербургъ, то была понятна мѣра вниманія къ нему во всякихъ коммиссіяхъ и комитетахъ, точно справлявшихся «для избѣжанія разномыслія» съ желаніями Казанцевъ. Казанцы настаивали, въ свою очередь, на наибольшей гласности, строгой критикѣ и получили оттого—извѣстности и авторитета. Конечно, въ комитетахъ и коммиссіяхъ, какъ всегда, «мельницы замололи по поставленному №», а «Казанскія спроты,—по выраженію одного острякa,—подцѣвали имъ: вы—наши милые дяденьки». Но на самомъ дѣлѣ Казанцы были серьезны и тверды въ своихъ домогательствахъ. И они добились изданія цѣлаго ряда узаконеній, утверждавшихъ, повидимому, ихъ дѣло окончательно. Мотивировка этихъ узаконеній со всею очевидностью вытекала изъ «*Сборника документовъ и статей по вопросу объ*

образованіи инородцевъ», изданнаго Министерствомъ народнаго просвѣщенія въ 1869 г. *).

Охраненное такими крѣпкими устоями, дѣло Ильминскаго сразу развернулось и начало приносить огромную пользу просвѣщенію. Школы-отрасли Казанской крещено-татарской школы. (ставшей теперь «центральною»), быстро умножались, захватывая все большую и большую территорію. Всѣ «апостолы», конечно, были вродѣ описанныхъ выше Уфимскихъ простецовъ. Нигдѣ они не надѣлали глупостей, не попали ни въ чьи сѣти, но вездѣ увлекли населеніе къ энергичному ученью. Понятно, что такой трудъ могъ быть только при охранѣ руководителей дѣла закономъ и порядкомъ, при отсутствіи тревогъ учителя за свое достоинство,свободу,—при отсутствіи у всѣхъ самой мысли о возможности оскорбленія труда какимъ-либо произволомъ начальства, такъ легко прикидывающагося архизаконнымъ и даже благожелательнымъ. Именно это положеніе было гарантировано въ лицѣ Казанскаго Братства.

Этотъ опредѣленный порядокъ былъ, въ сущности, полною свободою, а вмѣстѣ и строгою дисциплиною для всѣхъ, т.-е. для самого Братства, его школъ и его учителей. Оттого именно и началось процвѣтаніе дѣла, оттого была возможна, плодотворна для дѣла дѣятельность самыхъ простыхъ, обыкновенныхъ людей, какъ братчиковъ, такъ и учителей. Между искренними братчиками не было никого, кто бы не сознавалъ надобности самаго простого труда. И всѣ братчики, ничѣмъ не обезличенные, энергично трудились, какъ самые обыкновенные, рядовые работники: таковы же были и посланные по школамъ. Всѣ они знали и почитали порядокъ и всѣ были свободны въ порядкѣ, легкомъ—для нихъ и благодѣтельномъ—для дѣла.

*) Книга эта теперь—величайшая библіографическая рѣдкость. Непоявленіе ея 2-го изданія понятно само собою, такъ какъ нынѣ не 60-е годы. По справедливому отзыву П. В. Знаменскаго, „этотъ сборникъ, какъ оффиціальный, представляетъ чрезвычайный интересъ не только по образованію инородцевъ, но и по многимъ другимъ научнымъ вопросамъ,—церковно-историческимъ, этнографическимъ, лингвистическимъ и даже по вопросамъ чисто практическимъ, административнымъ" („На память о Ник. Ив. Ильминскомъ", Казань, 1892, л. 220). Не трудно представить, сколько мыслей, годныхъ и для будущаго, высказано въ этой книгѣ!

Я не рисую какой-нибудь небывалой идиллiи, но характеризую дѣйствительно бывшее въ Казани дѣло. Въ Казани есть еще много людей, знающихъ, какъ блистала 25 лѣтъ дѣятельность Братства, вплоть до порчи его самолюбивыми пришлыми людьми, до горестной растраты денегъ въ 1895 г., вплоть до изгнанiя изъ Братства его главной силы, т.-е. именно «братской» общественности. Прежнее Братство, какъ мѣстное общество братчиковъ, искренно дорожившихъ просвѣщенiемъ инородцевъ, а не какъ пыльная бездушная канцелярщина и завѣдомо, хотя и напзаконно, подтасованная обезличенность.—прежнее Братство св. Гурiя жило такъ хорошо именно потому, что было дисциплинировано и одушевлено, въ сущности, чрезвычайно строго и свободно. Идеи правды и вѣчной красоты успѣшно осуществлялись въ Казани не приказомъ, не бумагами, а множествомъ простыхъ людей именно съ помощью порядка, одушевленнаго взаимнымъ сочувствiемъ и довѣрiемъ со всѣхъ сторонъ.— отъ царя и министра до послѣдняго малыша. Такое дѣло много лѣтъ существовало въ Казани и радовало всѣхъ. И не идиллiя, а какое-то просвѣтлѣнiе царило среди братчиковъ и въ школахъ; то же просвѣтлѣнiе проявилось и въ мiркѣ простодушныхъ инородцевъ-отцовъ.

Братчики помогали дѣлу рѣшительно всѣмъ: они трудились лично, хлопотали, собирали деньги, учили, переводили, заступались въ бѣдѣ, вразумляли, руководили и т. п.

Тогда и малышъ, черезъ 1—2 недѣли ученья, могъ писать первое въ своей жизни письмо, рисуя печатными буквами: «Батюшкѣ поклонъ, матушкѣ поклонъ, штаны нужно, а писалъ я самъ». Сколько радости въ этомъ «я самъ» звучитъ у ребенка и откликается въ сердцахъ родителей! Татарченокъ понялъ – его осѣнило, и онъ кричитъ: «Эврика, радуйтесь со мною! Я пишу самъ—черезъ недѣлю ученья!» Это письмо изъ Казанской школы оживленно читаютъ въ деревнѣ, какъ послѣднюю новость. Но и не въ одной деревнѣ эта радость: на эту же тему «я самъ» въ тиши кабинета пишетъ Ильминскiй письмо-поэму, обращая кого-либо надобнаго въ свою вѣру.

Между тѣмъ, и Братство утверждало будущее дѣло обширной перепиской съ Миссiонерскимъ Обществомъ, съ министерствами или архiереями, управами, директорами

училищъ, священниками, волостными старшинами и массой лицъ, соприкасавшихся въ инородческомъ школьномъ дѣлѣ. Нисколько не противорѣчилъ этотъ внѣшній оффиціальный порядокъ внутренней свободѣ дѣла, но, напротивъ, проясняль и утверждалъ ее въ самой ячейкѣ, т.-е. въ оберегаемой школѣ. Не писалъ бумагъ и отчетовъ только учитель. Ему некогда, да и не къ кому было писать. Онъ, какъ было сказано, только изрѣдка неповѣдывался «Василій-атею» или «Никола-бабаю», отводя душу или прося указаній. Недаромъ недавно были изданы «Письма Ник. Ив. Ильминскаго къ крещенымъ татарамъ». Здѣсь нѣтъ никакой идилліи, но идиллическое въ школѣ и въ «посланномъ» привѣтствуется всею силою добраго довѣрія. Здѣсь же и наставленія, но не ревизія и не контроль, совсѣмъ ненадобные въ истинно добромъ и простомъ дѣлѣ.

XI.

Позволю себѣ сдѣлать небольшое отступленіе отъ очерка инородческихъ деревенскихъ школъ./

Упроченіе школьнаго инородческаго дѣла закончилось открытіемъ Казанской инородческой учительской семинаріи подъ дирекціей Ильминскаго и учрежденіемъ «Переводческой коммиссіи». Если «апостолы» изъ крещено-татарской школы вспахивали новь, то правильно выученные тѣмъ же Ильминскимъ народные учителя были очевидными продолжателями дѣла своихъ простецовъ-предшественниковъ. Этотъ новый родъ учителей проводилъ въ жизнь болѣе высокую сельскую школу, чѣмъ школа инородческой грамоты. Но вмѣстѣ съ тѣмъ у Казанской учительской семинаріи было и другое значеніе, такое же, какъ и *Центральной* крещено-татарской школы въ Казани. Если система Ильминскаго такъ блестяще доказала себя на просвѣщеніи крещеныхъ татаръ, то учителя-инородцы другихъ племенъ, выходя изъ Казанской учительской семинаріи, очевидно, *объединяли* просвѣщеніе всѣхъ инородцевъ по одной, доказанной уже системѣ. Такимъ образомъ, вторая часть дѣла выходила уже изъ рамокъ скромной дѣятельности Казанскаго Братства. Тѣмъ выразительнѣе было одобреніе дѣла, подчеркнутое министерствомъ народнаго просвѣщенія въ

самомъ фактѣ открытія Казанской инородческой учительской семинаріи.

Министерство, оставивъ распахиваніе нови мѣстнымъ силамъ, взяло на себя продолженіе и расширеніе дѣла въ томъ же направленіи, теперь уже общепризнаномъ и узаконенномъ.

Твердо подчеркнулъ эту мысль въ своей рѣчи на открытіи (26-го октября 1872 г.) уч. семинаріи и попечитель Казанскаго учебнаго округа Шестаковъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ недаромъ же учительская семинарія спачала пріютилась на 2 года въ домѣ старшей сестры— Казанской центральной крещено-татарской школы: недаромъ же и новый домъ семинаріи отдаленно выстроенъ на мѣстѣ бывшей за 100 лѣтъ назадъ инородческой школы. Однако, Захаріе-Елисаветинской церкви, возстановленной въ нынѣшней учительской семинаріи, пришлось теперь стоять между двумя сосѣдними мечетями...

Въ учительскую семинарію и при ней чувашскую, черемисскую и мордовскую школы поступило разомъ много разноплеменныхъ инородцевъ, впервые братски соединившихся подъ ученье у Ильминскаго. Тутъ были и дальніе, даже съ Алтая. Позднѣе тутъ появились даже и корейцы.

Я только что кончилъ тогда курсъ въ университетѣ и, какъ написавшій для инородцевъ уже немало церковно-пѣвческихъ партитуръ, занялъ въ учительской семинаріи мѣсто учителя пѣнія.

Трудно было впѣдрять въ эту разноплеменную массу объединяющія начала. Особенно мутили насъ «уѣздники», т.-е. русскіе земскіе стипендіаты изъ кончившихъ курсъ въ уѣздныхъ училищахъ. «Уѣздники» лгали, курили, ругались, лѣнились, хитрили и, дѣйствительно, портили чистыхъ инородцевъ, вызывая насъ на самую напряженную педагогическую муку. Упоминаю объ этомъ именно ради сопоставленія результатовъ тогдашней русской и инородческой школъ.

Но нашъ директоръ работалъ самъ, не покладая рукъ, а собранная имъ семья энергичныхъ сотрудниковъ, безъ всякаго понуканія, не отставала отъ своего руководителя. Послѣ томительнаго ожиданья и здѣсь завелась чистая атмосфера Казанской крещено-татарской школы. Такимъ пу-

темъ и наши ученики-саштары внесли ту же трудовую, кроткую жизнь въ свои школы по окончаніи курса.

Я упоминаю объ этомъ еще и для того, чтобы, защищая школьную систему Ильминскаго, яснѣе оттѣнить добротность внутренней атмосферы инородческой школы. Родители-инородцы всѣхъ племенъ Казанской губ. особенно цѣнили то, что въ новыхъ школахъ дѣтей быстро выучивали, не наказывали, а дѣти не дрались, не ругались и не лѣнились.

Конечно, отцы и матери, по незнанію, не представляли себѣ никакихъ наукъ въ школѣ: но сердца ихъ глубоко умилялись пѣніемъ и молитвою своихъ дѣтей, скромно просвѣщавшихъ свои же семьи. Дѣти глубоко радовались своей грамотности и пѣнію, чувствуя, даже въ своемъ возрастѣ силу свѣта ученья на родномъ языкѣ. Какъ же могли въ такой школѣ явиться ложь, лѣнь, брань или драка? Дѣтскій умъ, кромѣ любознательности, догадывался и сразу рѣшалъ, что терять время нельзя, такъ какъ грамотея и пѣвца иной разъ нетерпѣливо ждала цѣлая деревня. Деревня торопила.

Малышъ-пѣвецъ и грамотей, въ родѣ указаннаго «я самъ», былъ радостью для всѣхъ и, понятно, прежде всего познавалъ въ школѣ своимъ умомъ нравственныя правила, нарушеніе которыхъ въ школѣ ему и не приходило въ голову. Въ этой радости грамотея-пѣвца и его деревни зарождалось полное довѣріе къ школѣ и благодарное чувство инородца за свѣтъ ученья и молитвы. Поэтому же и «посланные» шли въ захолустную инородческую деревню на радостное учительство за жалованье по 2—3 рубля въ мѣсяцъ. Глубокая жажда населенія удовлетворялась такими учителями, и потому время не тратилось: населеніе неотступно требовало утоленія своей жажды... Старикъ 70-ти лѣтъ, услыхавъ пѣніе на родномъ языкѣ, всталъ на колѣни и слушалъ: пѣли долго, а онъ все молился и плакалъ. По окончаніи пѣнія онъ поклонился учителю и сказалъ: «Вѣкъ пзжилъ, умирать собираюсь, а только теперь въ первый разъ помолился Богу отъ всей души моей»... Затѣмъ старикъ принесъ полтинникъ и, когда не хотѣли его брать, сказалъ: «Духовнымъ даю, *что положено*, а вы возьмите не отъ меня, а отъ *большой любви моей*»... Не

единичны были такіе поклоны учителю! Въ поклонѣ старика учителю-пѣвцу клапялось въ ноги все благодарное инородчество! Въ полтинникѣ старика была вся готовность инородчества отдать деньги за ученье!

И какъ просто такое событіе!

Нужно ли прибавлять, что такая школа и такой учитель не нуждались ни въ руководствѣ, ни въ контролѣ? Школа эта была безконечно мила народу, и неправильности въ ея дѣйствіяхъ были прямо немыслимы. Инородцы стерли бы негодную школу съ лица земли сами,—безъ всякихъ промедленій...

Въ подтвержденіе послѣдняго, укажу одинъ выразительный случай: лѣтъ 60 назадъ, на Волгѣ, у одной графини, содрогнувшейся тьмою чувашъ, была устроена школа, успѣхи которой, благодаря дѣятельности солдата-учителя, приводили графиню въ сущее восхищеніе. Школа читала, писала по-русски, молилась и пѣла такъ хорошо, что графиня и поддакивавшая инспекція любовались школою безъ конца. Но таже графиня была изумлена, когда, выходя однажды послѣ блестящаго въ школѣ экзамена, увидала передъ собою на колѣняхъ весь мірской сходъ съ хлѣбомъ-солью. Сходъ умолялъ графиню немедленно закрыть школу... Умная графиня, конечно, поняла, что ея школа не была народною.

Итакъ, именно въ соотвѣтствіи ученья требованіямъ инородцевъ,—требованіямъ умнымъ и глубоко-нравственнымъ, именно въ удобствахъ удовлетворенія этихъ требованій,—именно здѣсь лежитъ вся сила школьной системы Ильминскаго. Въ этой школѣ совершенно нѣтъ ничего мудренаго и необыкновеннаго, ничего навязаннаго и искусственнаго, ничего «подозрительнаго». Школа эта требуетъ только простеца-учителя, но непремѣнно чистаго душою и твердаго волею. Такихъ учителей и теперь можно найти сотнями.

Иное дѣло училище для инородцевъ, гдѣ—другіе курсы для второго инородческаго поколѣнія, уже русскаго въ душѣ. Но и здѣсь та же чистая атмосфера школьной системы Ильминскаго дѣлаетъ все гораздо плодотворнѣе. И здѣсь служеніе сознанной правдѣ неизмѣримо сильнѣе и благотворнѣе служенія предписаннаго и ревизуемаго, хотя и патентованнаго.

Въ чемъ же заключается эта школьная атмосфера въ инородческой школѣ и училищѣ?

Я позволю себѣ отвѣтить на это подробнѣе освѣщеніемъ извѣстныхъ мнѣ нѣсколькихъ сторонъ дѣла. Общій выводъ, даже и возможность приложенія вообще этого вывода не къ одной только инородческой и начальной школѣ— дѣло читателя.

Казанская крещено-татарская школа была сплошь какимъ-то упоительнымъ весельемъ въ неустанномъ трудѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ это была серьезная, особенная, самоустановившаяся общежительная дѣтская дисциплина, при которой порядокъ и взаимное уваженіе создавали возможность полнѣйшей свободы и сущаго братскаго равенства. Этимъ устранялись рѣшительно всякія наказанія за проступки, ибо послѣдніе даже у дѣтей были бы прямо нелѣпы. Дѣти были кротки, а болѣе строптивые быстро смирялись сами собою передъ дѣловитостью школы.

Молилась эта школа по $^1/_4$ часа утромъ и вечеромъ, а въ праздники ходила въ церковь, гдѣ пѣла на своемъ языкѣ. Жила эта школа вполнѣ бѣдно и оттого очень бережливо, очень чистоплотно, тихо и мирно. Всѣ были въ лаптяхъ, въ деревенской одежонкѣ, спали въ повалку на полу, ѣли привезенное отцами и пр. Играли татарчата на улицѣ такъ весело, такъ изящно, какъ дай Богъ играть дѣтямъ въ каждой семьѣ.

Работа учебная была такъ же свободна, какъ и вся жизнь. Всякій старался получить поскорѣе и потверже всякихъ знаній; учили другъ друга, сами составляли классы, отдѣленія, группы, чтобы уберечь время учителя. Въ школѣ не было ни пріемныхъ, ни переводныхъ, ни выпускныхъ экзаменовъ, ни журналовъ, ни отмѣтокъ, ни аттестатовъ. Зато и выходили изъ этой школы люди совершенно дисциплинированные, скромные и умные. Они отлично умѣли экономить свое время и силы, отлично знали немногое, но надобное и годное себѣ и другимъ. Главное же, выходили изъ Казанской школы люди кроткіе и благожелательные, совѣстливые и строгіе къ самимъ себѣ. Трудъ и свобода, впрочемъ, не могли и дать иныхъ результатовъ. Конечно, Василій Тимоѳеевъ былъ рѣдко способный учитель. Но развѣ могъ бы онъ развернуться въ тискахъ?

Какъ не оцѣнить его примѣра и въ ученикахъ его—такихъ же учителяхъ?

Не менѣе глубоко было значеніе церковнаго пѣнія и слушанія богослуженія на родномъ языкѣ. Мы, русскіе, особенно же горожане, не можемъ себѣ и представить силу впечатлѣнія на душу инородца всякаго возраста отъ слушанія имъ молитвы и пѣнія на родномъ языкѣ. Мы не можемъ и оцѣнить мѣру радости жестоко голодавшаго инородца, вдругъ получившаго понятную молитву, а тѣмъ болѣе съ льющимся въ душу напѣвомъ. Именно эта радость за себя и дѣтей давала инородцу твердую рѣшимость остаться при своей чистотѣ душевной, крѣпнуть въ ней и благодарно обрусѣть до самаго мозга костей.

XII.

Я услыхалъ пѣніе татарчатъ съ Васильемъ Тимоѳеевымъ въ первый же годъ ихъ занятій, т.-е. въ 1863 г. Технически они пѣли неважно и притомъ только немногія самыя обычныя пѣснопѣнія, вродѣ «Господи, воззвахъ къ Тебѣ, услыши мя», «Душе моя». «Милосердія двери» и т. п. Но равнодушно слушать это умилительное простое пѣніе было прямо невозможно. Татарчата вкладывали въ свое пѣніе какую-то особую силу чувства и теплоту, заставлявшую трепетать сердца слушателей. Можно поэтому представить. что̀ чувствовали сами татары, слыша вполнѣ понятные имъ тексты? 25 лѣтъ спустя Казанская школа такъ же выразительно пѣла, какъ и въ первый годъ. Это пѣніе инородцевъ вообще лучшее, какое я когда либо слыхалъ въ церкви.

Хорошо пѣли и взрослые инородцы, вообще очень способные къ музыкѣ и любящіе ее. Но, кромѣ даровитости, въ пѣніе инородцевъ вкладываются ихъ чистая душа и самое искреннее религіозное чувство. Въ этомъ смыслѣ инородческому богослужебному пѣнію, особенно же самому богослуженію, въ частности—требамъ, слѣдуетъ придать то значеніе, надъ которымъ многіе, власть имущіе, должны глубоко задуматься въ тиши своихъ кабинетовъ.

Какъ ни давно миновала моя преподавательская дѣятельность въ Казанской учительской семинаріи, все же

впечатлѣніе отъ пѣнія инородцевъ волнуетъ меня до сихъ поръ. Оно было особенно выразительно въ пасхальную заутреню. Для Свѣтлаго Праздника составлялись хоры на всѣхъ инородческихъ языкахъ, представители которыхъ, хотя бы по одному человѣку, были въ тотъ годъ между семинаристами. Товарищи братски помогали этимъ одиночкамъ пропѣть радостное «Христосъ Воскресе». Въ ознаменованіе единенія всѣхъ вся семинарія громогласно пѣла по-славянски первое, послѣ священника, «Христосъ Воскресе», а также и послѣднее, послѣ того какъ всѣ инородческіе хоры встрѣтили праздникъ на своихъ языкахъ. Николай Ивановичъ всегда стоялъ въ эти минуты у дверей храма съ Евангеліемъ въ рукахъ. Его лицо было какъ-то особенно свѣтло, хотя глаза его, влажные отъ слезъ, были опущены. Что чувствовалъ онъ въ эти минуты христіанскаго единенія инородцевъ—можетъ сказать только чуткое сердце, но лицо старца въ этой радости было невыразимо свѣтло. Такое пѣніе на всѣхъ языкахъ было въ Казанской учительской семинаріи еще въ Троицу и въ Духовъ день. «Видѣхомъ свѣтъ истинный, пріяхомъ Духа небеснаго, обрѣтохомъ вѣру истинную», или «Егда снизшедъ языки слія» пѣлись инородцами такъ выразительно, какъ я не слыхалъ ни разу, нигдѣ, ни за одной русской службой...

Я полагаю, что именно здѣсь и лежитъ значительная часть успѣха дѣла у всѣхъ инородцевъ, особенно же у дальнихъ и не говорящихъ по-русски.

Мусульманство, какъ извѣстно, совсѣмъ не постъ въ мечетяхъ за повседневными службами. Кромѣ того, молитвы и чтенія на арабскомъ (слѣдовательно,-- непонятномъ) языкѣ прямо ничтожны для инородца. Поэтому заповѣди любви и смиренія, поученія изъ библіи, столь понятные на родномъ языкѣ, приводятъ инородца въ полное восхищеніе, и «русская вѣра» является для него источникомъ множества счастливыхъ минутъ. Поэтому, въ цѣляхъ обрусѣнія, родной языкъ при богослуженіи совершенно незамѣнимъ, и было бы безжалостно, грубо и неполитично касаться этой нѣжной области инородческаго сердца. Здѣсь инородческій языкъ дѣлается могучимъ средствомъ для обрусѣнія. По «русской вѣрѣ» и Василій Тимоѳеевъ, и всѣ его ученики,

хотя и часто ошибавшіеся въ русской рѣчи, были все-таки люди, искренно преданные Россіи. А это—все.

И православная церковь не безъ глубокаго такта усвоила обычай богослуженія у каждаго народа на его родномъ языкѣ. Напр., въ Сиріи, Греціи, Грузіи, у всѣхъ славянъ, даже у онѣмечившихся русскихъ въ Берлинѣ службы совершаются на мѣстныхъ языкахъ; въ Буковинѣ и Румыніи я самъ слышалъ смѣшанныя службы на двухъ языкахъ.

Если мы вспомнимъ о мѣрѣ бывшаго усвоенія нами чужихъ языковъ напр. въ гимназіяхъ, то мы должны признать это усвоеніе только недостаточнымъ. Въ дѣлѣ же молитвы всѣ высшія душевныя движенія могутъ быть понятны только при знаніи тонкостей языка, на которомъ они изложены. Поэтому, напр., мы, русскіе, болѣе чѣмъ на половину, лишены наслажденія молитвою вслѣдствіе непониманія нами *славянскихъ* текстовъ. Спросите даже у образованнаго русскаго человѣка, что значитъ, напр.: «Глаголы моя внуши, Господи, разумѣй званіе мое» или «Положуся во спасеніе, не обинюся о немъ» *).

Гдѣ же инородцу достигнуть надобнаго знанія славянскаго языка, для наслажденія въ совмѣстной съ нами молитвѣ, даже и намъ самимъ едва понятной?

Между тѣмъ, эти же трудные для насъ тексты глубоко волнуютъ и трогаютъ инородца своею умилительною, вполнѣ доступною простотою. Уже только поэтому, минуя даже разрѣшеніе по церковному праву, мы *должны* уважать языкъ инородцевъ, если мы считаемъ надобнымъ завоевать ихъ культурно. И еще: утѣсненіе въ храмѣ инородческаго богослуженія, будто бы ради скорѣйшаго пріученія инородцевъ къ русскому (?) богослуженію, будто бы ради избѣжанія соблазна (?) русскихъ людей при слушаніи инородческихъ молитвословій, развѣ не есть отталкиваніе инородцевъ отъ православія? развѣ это не есть воображаемое только въ кабинетѣ оскорбленіе чувства русскихъ людей?

---

*) Внуши — услыши, званіе — воззваніе. Понятно, что есть гораздо болѣе трудныя выраженія, напр.: „Угльбохъ въ тименіи“, или: „Ужя нападоша ми въ державныхъ монхъ“ т.-е., „Удѣлъ выпалъ мнѣ въ мѣстахъ прекрасныхъ“.

Ильминскій отлично понималъ, что школа можетъ только *познакомить* инородца съ русскимъ языкомъ, а довести до полнаго владѣнія языкомъ можетъ только многолѣтняя практика, да и то только способнѣйшихъ. Знаніе инородцами русскаго языка, какъ и всюду, находится въ прямой зависимости отъ вліянія сосѣдняго русскаго населенія. Напр., въ старообрядческихъ мѣстностяхъ, по берегамъ Волги и Камы, инородцы говорятъ по-русски лучше; но любопытно отмѣтить, однако, что, напр., касимовскіе и петербургскіе татары, говорящіе порядочно по-русски, какъ мусульмане, въ сущности нисколько не обрусѣли. Наконецъ, извѣстно, что русскіе, какъ прирожденные лингвисты, оказываются сами болѣе склонными къ усвоенію сосѣднихъ инородческихъ языковъ. Такъ какъ нашъ языкъ фонетически и грамматически невообразимо труденъ для инородцевъ. то представляется прямо несправедливымъ требовать, чтобы послѣ школьнаго курса инородецъ владѣлъ русскою рѣчью съ достаточною свободою. Думать о добровольномъ *обрусѣніи* инородца съ такимъ знаніемъ русскаго языка, о доступности инородцу славянской молитвы—по меньшей мѣрѣ наивно. Русскій языкъ труденъ даже для инородцевъ, имѣющихъ хорошую разговорную практику. Не говоря о знакомомъ для всѣхъ ломаньѣ русской рѣчи живущими между нами иностранцами, кто же, напр., въ Казани не знаетъ коренныхъ казанцевъ-татаръ, иногда не знающихъ по-русски ни одного слова? Кто же не знаетъ богатыхъ татаръ-«купса», говорящихъ по-русски ежедневно и все-таки плохо?

Не ясно ли, что въ дѣлѣ владѣнія языкомъ практика также находится въ опредѣленныхъ отношеніяхъ къ племенной способности къ усвоенію языковъ?

Конечно, Ильминскій отлично понималъ и эти отношенія. Онъ все-таки крѣпко настаивалъ на значительной, но не *насилующей долѣ* русскаго языка въ своихъ школахъ.

Мѣрою требованій отъ инородца по этой части было и пониманіе Ильминскимъ ненадобности уравнивать всѣхъ подъ одинъ ранжиръ. Ильминскій вполнѣ сознательно не принесъ въ жертву русскому языку главную цѣль своего дѣла, т.-е. душевное, религіозное обрусѣніе инородцевъ. Исполненіе канцелярскаго требованія было бы равно въ

его глазахъ непадобному насилію надъ инородцами. Исполненіе программы изученія русскаго языка, одинаковой для всѣхъ инородцевъ, не только нелѣпо само по себѣ, не только безцѣльно, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ и совершенно неосуществимо, какъ бы оно ни было настойчиво.

Въ этомъ смыслѣ для обрусѣнія инородцевъ Казанскій Комитетъ еще въ 1866 году высказался вполнѣ категорично: «Изученіе чужого языка есть дѣло чисто разсудочное и, такъ сказать, схоластическое; изученіе же религіи (не богословское, а такое, какое свойственно дѣтскому возрасту) есть дѣйствіе всей совокупности духовныхъ силъ, цѣльной природы человѣческой, а потому религіозно-нравственное образованіе инородческихъ дѣтей должно даже предшествовать изученію ими русскаго языка, *или*, по крайней мѣрѣ, идти съ нимъ совмѣстно... Практическое заключеніе: поручить первоначальное *религіозно-нравственное образованіе* инородческихъ дѣтей вмѣстѣ съ обученіемъ грамотѣ на ихъ родномъ языкѣ, можно лишь такому лицу, которое владѣетъ этимъ инородческимъ языкомъ».

Ильминскій былъ слишкомъ горячій и прозорливый патріотъ, и было бы недобросовѣстно утверждать, что онъ предпочиталъ инородческій языкъ даже въ ущербъ изученію языка русскаго. Еще въ серединѣ 60-хъ годовъ объ этомъ недоразумѣніи было исписано много бумаги, отъ министерской до газетной, и дѣло еще тогда было растолковано Ильминскимъ къ полному успокоенію недоумѣвавшихъ всякаго сорта. До сихъ поръ еще живы нѣкоторые, трепетавшіе тогда отъ воображавшейся сепараціи, будто бы насаждаемой школами Ильминскаго. Они пророчествовали о грозящемъ «созданіи инородческихъ письменностей» (!?); они вопили объ «извращеніи Ильминскимъ русскаго алфавита» и т. п. нелѣпостяхъ. Однако, опытъ многихъ послѣдовавшихъ лѣтъ доказалъ, гдѣ была правда. Просвѣщеніе инородцевъ и искреннее, добровольное слияніе ихъ съ русскими на почвѣ православія были достигнуты къ выгодѣ и удовольствію обѣихъ сторонъ. Несмотря на упорство враговъ, разсуждавшихъ теоретически и не безъ претензій на глубокомысліе,—правда все-таки взяла свое.

А нынѣшніе «просвѣтители», идя противъ системы Ильминскаго, очень отмалчиваются объ этой правдѣ!

XIII.

Выше было сказано, что отъ глагола «обрусѣть», т.-е. добровольно стать русскимъ, производится слово «обрусѣніе», напр., инородцевъ, т.-е. полное ихъ сліяніе съ русскими. Наоборотъ, отъ глагола «обрусить» производится слово «обрусеніе», т.-е. рядъ насилій съ цѣлью заставить быть русскими. Первое, т.-е. обрусѣніе (черезъ «ѣ»), есть система Ильминскаго, второе, т.-е. «обрусеніе» (черезъ «е»), есть система его противниковъ, особенно поднявшихъ головы въ послѣдніе годы. Причины подъема понятны сами собою.

Противники Ильминскаго, конечно, вооружены рядомъ резоновъ, изложенныхъ Молчалинскимъ «образцовымъ слогомъ»: не брезгаютъ они и всякаго рода «жупелами», не брезгаютъ и иными средствами, и разными дорогами... И эти вещи также понятны сами собою.

Конечно, «образцовый слогъ» не оглашается... Дѣйствія разныхъ средствъ и концы разныхъ дорогъ мы постигаемъ лишь тогда, когда «дѣло сдѣлано». Объ «образцовомъ слогѣ» разныхъ ходатайствъ будутъ разсуждать наши потомки, не безъ пожиманія плечами, лѣтъ черезъ 30, по страницамъ «Русской Старины». Но рѣзкіе результаты всякихъ «средствъ» уже огласились, оставивъ надолго память о себѣ, по однимъ—добрую, а по другимъ—очень недобрую; пресловутый «жупелъ», т.-е. нелѣпое запугиваніе будущимъ «сепаратизмомъ» инородцевъ, вторично объявилось въ устахъ и мѣрахъ противниковъ Ильминскаго.

Я позволяю себѣ гласно утверждать и настаивать, что давнишнее заподозриваніе инородцевъ въ сепаратизмѣ можетъ быть объяснено либо самымъ непозвинительнымъ незнаніемъ, либо трусливымъ искаженіемъ умышленно-воображаемыхъ опасностей, либо, наконецъ, самымъ безцеремоннымъ упражненіемъ въ писаньѣ якобы остроумныхъ бумагъ. Такой «сепаратизмъ» есть именно «жупелъ», никакъ не болѣе.

Попробую кратко объяснить это застращиваніе, какъ нѣчто глубоко ошибочное и очень вредное для Россіи.

Исторія свидѣтельствуетъ, что народы, принадлежащіе

Всесоюзная библиотека имени В.И. Ленина

къ гражданскп-благоустроенному исповѣданію, равно и утратившіе почему-либо бывшую у нихъ политическую самостоятельность, неудержимо и неизлѣчимо сепаративны. Этотъ сепаратизмъ слабѣетъ только ко времени дряхлости народовъ.

Только ошибающееся правительство можетъ считать сепаратизмъ, какъ любовь къ родинѣ и храненіе своей вѣры, за нѣчто подлежащее искорененію. Такой сепаратизмъ, несомнѣнно, вполнѣ законенъ и почтенъ. Дразнить и давить его—сущее преступленіе не только противъ угнетаемой народности, но и противъ Россіи, ибо угнетенная сторона только крѣпнетъ въ обостренномъ, чувствѣ и сепарація оттого только усиливается.

Иное дѣло—регулированіе народнаго ума и чувства въ сторону господствующаго исповѣданія и государства; это есть уважительное и обоюдо-выгодное, мирное культурное завоеваніе.

Сотни религіозныхъ и народныхъ войнъ, продолжительныхъ и самыхъ ожесточенныхъ, отлично выяснили, какъ горько и какъ безрезультатно, по краткости торжества, наказываются обѣ враждующія стороны, особенно же неумѣло регулировавшія правительства.

Но та же исторія свидѣтельствуетъ, что народы, не имѣвшія гражданскп благоустроеннаго исповѣданія и политической самостоятельности (каковы всѣ, за исключеніемъ татаръ, наши сѣверные поволжскіе и пріуральскіе язычники и новопросвѣщенные инородцы), совершенно лишены склонности къ сепаратизму. Они даже съ трудомъ поддаются искусственному *созданію сепаратизма*, подъ досадными впечатлѣніями отъ систематическихъ мѣръ неумѣлаго правительства. Создавшійся такимъ образомъ сепаратизмъ есть уже прямая вина близорукихъ мѣстныхъ дѣятелей. Въ частности — бывшіе когда-то инородческіе бунты вполнѣ отжили свое время. Они давно замѣнились глубокимъ неуваженіемъ къ нашимъ мѣстнымъ властямъ и полнымъ, заслуженнымъ нами, равнодушіемъ ко всему русскому. Система Ильминскаго вполнѣ сглаживаетъ эту давно созданную розпь между инородческимъ и русскимъ населеніемъ.

Явные примѣры обѣихъ вышеуказанныхъ группъ на-

лицо. Первая группа—почти всѣ наши западные инородцы отъ Чернаго моря до норвежской границы, кстати же и мы, русскіе, въ части нашего племени, живущаго подъ гнетомъ Австріи и Венгріи. Вторая группа — почти все инородчество отъ норвежской границы до Амура и Камчатки.

Исторія Европы давно констатировала распри ея народовъ, какъ *неудержимое* стремленіе къ соціально-племенному обособленію. Распри религіозныя и ихъ разрѣшенія истолкованы въ наукѣ также достаточно ясно.

Совершенно иное мы видимъ на пространствѣ нашего инородческаго сѣвера и, въ частности, въ Поволжьѣ и Приуральѣ. Здѣсь не бывало ни чувашскихъ, или мордовскихъ имперій, ни вотятскихъ, или черемисскихъ королевствъ... Опасаться возникновенія внутри Россіи такихъ государствъ, по меньшей мѣрѣ, наивно. Но здѣсь было царство Казанское, здѣсь твердо знаютъ, что былъ недавно Кавказъ съ Крымомъ и Туркестанъ съ Хивою... что за ними есть еще Бухара съ Афганистаномъ. Ильминскій живо чувствовалъ это возможное будущее. Всего за полгода до своей смерти онъ писалъ (27-го іюня 1891 г.) одному высокопоставленному лицу, горой отстаивая родной языкъ въ инородческихъ школахъ: «Если изъ опасенія отдѣльныхъ народностей не допустить инородческаго языка въ инородческія школы и церкви въ достаточномъ количествѣ для твердаго и полнаго убѣжденнаго усвоенія христіанской вѣры, въ такомъ случаѣ всѣ инородцы сольются въ одно племя по языку и по вѣрѣ—въ татарское и магометанское. Если же допустить инородческіе языки, въ такомъ случаѣ, если бы даже и поддержались народности. то остались бы разныя, мелкія, къ татарству не расположенныя, но съ русскимъ народомъ соединенныя единствомъ вѣры. Выбирайте!»

Надо поэтому и намъ, русскимъ, твердо помнить, что́ можетъ въ будущемъ устроить съ нами это кольцо, помнящее объ утраченномъ прошломъ и крѣпкое требованіями Корана. Надо помнить и то, что за нами вообще зорко слѣдятъ и не одни мусульмане умѣютъ пользоваться нашими ошибками вообще, въ томъ числѣ и по части инородческой. Поэтому сочинять при такой обстановкѣ будто бы глубокомысленныя запугиванія Россіи воображаемою

сепарацію чувашей, или вотяковъ, по меньшей мѣрѣ. странно, чтобы не сказать болѣе; въ частности: ослаблять испытанную систему обрусѣнія инородцевъ, радостную для нихъ и глубоко гуманную, есть дѣло уже совсѣмъ нехорошее и совсѣмъ недальновидное. Такимъ господамъ, т.-е. въ сущности радѣтелямъ мусульманства за счетъ православія, слѣдовало бы поразмыслить о возможныхъ (не дай Богъ!) результатахъ ихъ настойчивости и о надобности сдержать свой пылъ. Какая нужда раздражать мусульманство? Если въ Казани увлекаются миссіонерствомъ по своей системѣ—то дѣло доброе, въ случаѣ обдуманности системы. и никто не рѣшится мѣшать доброму дѣлу. Но доброе дѣло не дѣлается за счетъ другого; оба могутъ существовать, не мѣшая другъ другу. Много у насъ инородцевъ, за образованіе и обрусѣніе которыхъ не рискнулъ взяться осторожный умъ Ильминскаго. Онъ сдѣлалъ только посильный трудъ. Его поняли и поддержали, утвердивъ. и спокойное продолженіе труда. Нераспаханныя осторожнымъ Ильминскимъ поля еще очень обширны и ждутъ умѣлыхъ работниковъ. Отчего же въ Казани не поднимаютъ именно эту новь? Или легче обрабатывать по-своему бывшее поле, чѣмъ добиться на нови урожая сторицею?

XIV.

Для облегченія инородцамъ чтенія русской грамоты Ильминскій воспользовался въ своихъ инородческихъ переводахъ старою мыслью о употребленіи русскаго алфавита. Ильминскій развилъ только этотъ алфавитъ діакритическими знаками, надобными для изображенія разныхъ фонетическихъ особенностей. Понятно, что въ періодѣ опытовъ по выработкѣ діакритическихъ знаковъ Ильминскій работалъ «безъ надлежащаго разрѣшенія». Этого, какъ и многихъ «соображеній», было достаточно для противниковъ, чтобы забить тревогу и чтобы привлечь къ обличенію Ильминскаго всякіе авторитеты отъ с.-петербургскихъ ученыхъ до туркестанскаго генералъ-губернатора К. П. Кауфмана.

Инородческіе языки, скудные для выраженія многихъ отвлеченныхъ понятій, оказались неожиданно трудными для изложенія нашихъ молитвенныхъ текстовъ. Для облег-

ченія инородцамъ полученія точнаго смысла переведенныхъ молитвъ и пѣснопѣній, Ильминскій выработалъ цѣлую систему практическихъ пріемовъ переводческой техники. И здѣсь нашлись добровольные «ревнители», распинавшіеся каждый за свои убѣжденія и несомнѣнную будто бы ихъ общую пользу. Однако ихъ разноголосица давала очевидную цѣну достоинству ихъ убѣжденій. Ярыя нападки этихъ неожиданныхъ ревнителей, огромныя трудности установленія правописанія русскими буквами на инородческихъ, огромность массы требовавшихся переводовъ создали и доказали въ переводческомъ дѣлѣ надобность самой обстоятельной, гласной творческой исповѣди.

Ильминскій высоко цѣнилъ гласность и умную критику. Онъ самъ поэтому издалъ рѣшительно все существенное изъ бывшихъ оффиціальныхъ и частныхъ переписокъ, равно и изъ серьезной полемики. Эта благородная сторона дѣятельности Ильминскаго дала намъ рядъ книгъ и брошюръ, рисующихъ во весь ростъ силу эрудиціи Ильминскаго и общій складъ его мыслей. Таковы, напр., «Практическія замѣчанія о переводахъ и сочиненіяхъ на инородческихъ языкахъ» (Казань. 1871), «Размышленіе о сравнительномъ достоинствѣ въ отношеніи языка разновременныхъ редакцій церковно-славянскаго перевода Псалтири и Евангелія» (ib. 1882), «Изъ переписки по поводу примѣненія русскаго алфавита къ инородческимъ языкамъ» (Казань. 1883) и мн. др. Работая надъ переводами, отечески трудясь надъ своимъ дѣломъ, служа учительской семинаріи, Ильминскій все-таки успѣвалъ думать о защитѣ и этого своего дѣла для далекаго будущаго и о разъясненіи его практическихъ подробностей.

Прибавлю къ этому: разросшееся переводческое дѣло вызвало открытіе при Казанскомъ Братствѣ (1877 г.) «Переводческой коммиссіи», значившейся, однако, какъ принадлежность Православнаго Миссіонерскаго Общества. Ильминскій былъ ея предсѣдатель. Несмотря на то, что полученіе жалованья было sine qua non бывшаго участія въ коммиссіи (въ новомъ уставѣ 1903 г., § 10), Ильминскій все-таки не взялъ ни одной копѣйки за свой колоссальный 15-ти лѣтній трудъ. Припоминаю я здѣсь случай, бывшій на моихъ глазахъ: инородецъ вздумалъ однажды наивно спро-

сить Ильминскаго о платѣ за какіе-то добровольно сдѣланные имъ переводы; нужно было видѣть въ эту минуту огорченнаго Ильминскаго! Онъ, какъ ужаленный, вскочилъ и чуть-чуть не вытолкалъ простодушнаго переводчика. «Деньги!—вскричалъ онъ. —Какія деньги за радость молитвы твоихъ братьевъ? Кто торгуетъ счастьемъ своихъ братьевъ?» и т. д. Интересенъ и такой случай. Якутскій переводъ печатался въ Казани по порученію тамошняго владыки Діонисія; Ильминскій, не знавшій якутскаго языка, усумнился въ частностяхъ перевода, руководясь сравненіями якутскихъ формъ съ формами въ другихъ языкахъ. Онъ остановилъ печатаніе и письмомъ запросилъ разрѣшенія недоумѣній. «Изумляюсь,—телеграфировалъ епископъ Діонисій,—прозорливости вашего п—ства, благословляю всякія будущія поправки».

И нельзя не сказать, что безкорыстіе и идейное служеніе, вложенныя въ основу труда переводческой коммиссіи. только и могли утвердить дальнѣйшую ея работу. Обязательное по уставу «вознагражденіе переводчиковъ», о которомъ указано выше, нисколько не умаляетъ самоотверженности труда главныхъ продолжателей дѣла Ильминскаго, попрежнему вполнѣ безкорыстныхъ, трудящихся именно «во славу Божію».

Отчетъ переводческой коммиссіи (1892 г.) указываетъ всю обширность начала ея труда. Отчетъ за 1903 г. наглядно показываетъ, какъ успѣшно трудились до послѣдняго времени въ Казани продолжатели дѣла Ильминскаго. развернувшіе дѣятельность коммиссіи до размѣровъ дѣйствительно внушительныхъ. Однако, недавняя брошюра «Къ вопросу о переводахъ на инородческіе языки» только и говоритъ между строкъ, какъ иногда жутко живется на свѣтѣ даже и Казанскимъ переводчикамъ.

XV.

И мы, и другія государства не разъ убѣждались на горькомъ опытѣ, какъ тяжело переживаются попытки навязать школу ненадобную и несимпатичную населенію. Примѣры слишкомъ общеизвѣстны. Общій протестъ бываетъ тѣмъ болѣе энергиченъ, чѣмъ упорнѣе внѣдряютъ такую школу.

Въ дѣлѣ шородческаго образованія по системѣ Ильминскаго имѣются двѣ стороны: 1) узаконенность системы, доказанность системы на опытѣ 40 лѣтъ, считая и доказанный трудъ массы продолжателей дѣла, накопецъ, и симпатіи населенія и 2) несомнѣнная политическая важность этой системы.

Со стороны нынѣшнихъ противниковъ системы Ильминскаго мы не знаемъ гласнаго и подробнаго изложенія ихъ взглядовъ. Если они живутъ бывшимъ, то въ свое время былъ тому гласный судъ; если они живутъ будущимъ, а тѣмъ болѣе только настоящимъ, то зачѣмъ же они не доказали гласно своихъ цѣлей, ради которыхъ имъ понадобилось поступиться доказаннымъ и добрымъ дѣломъ?

Особенно горько было слышать о недавнемъ преобразованіи Казанскаго Братства святителя Гурія и объ измѣненіи его устава съ явно бюрократическою тенденціею.

Постоянная смѣна предсѣдателей, конечно, не могла не привести дѣла Братства къ запутанности, усугубленной къ тому же привлеченіемъ къ дѣятельности безотвѣтнаго Казанскаго священства, пынѣ «назначаемаго» въ Совѣтъ ради понятныхъ всѣмъ гарантій возможности хозяйничать безъ всякаго удержу. Особенно печальна въ этомъ смыслѣ замѣна предсѣдателя Братства городскимъ протоіереемъ, вмѣсто бывшаго викарнаго епископа... Въ Казани, какъ кажется, давно и накрѣпко забыли, что прежде бывшее *общественное* учрежденіе, притомъ именно «братское», никому не казалось «status in statu». Нынѣшнее «Братство» съ курьезнымъ составомъ его Совѣта и съ крутымъ ограниченіемъ области его административной компетенціи, прежде всего, не есть общественное учрежденіе и, конечно, отнюдь не «братское». «Назначаемые» члены Совѣта, вмѣсто прежнихъ выборныхъ, свыше указываемая имъ «дѣятельность», какъ и явная тенденція умалить и опорочить прошлую дѣятельность съ помощью всякихъ ревизій и другихъ пріемовъ суть не только плохіе, но и зловѣщіе задатки для будущаго. Неизбѣжное слѣдствіе такихъ порядковъ— специфическій личный составъ, бумажныя писанія, самодовольныя увѣренія въ процвѣтаніи дѣла и пр. Не надо, однако, быть пророкомъ, чтобы предсказать преобразованному Казанскому Братству самое полное крушеніе. При-

мѣръ Казани—далеко не первый въ этомъ родѣ. Бездушное не живетъ, даже и по приказанію.

Но еще болѣе, какъ думается, ошибочно иное Казанское предпріятіе, имѣющее цѣлью устроить, на мѣстѣ существующаго захирѣвшаго, новое дѣло, дорогое, широковѣщательное, но, повидимому, заблаговременно лишенное той теплоты, которою было такъ пропитано во всемъ инородческое образованіе по системѣ Ильминскаго. Привѣтствуя всякую новую школу, привѣтствуя всякаго новаго учителя-инородца, всякаго новаго грамотнаго человѣка, мы все же ставимъ коренной вопросъ: неужели ново-казанское просвѣтительное предпріятіе должно, прежде всего, осуществиться хотя бы отчасти при загубленіи хорошаго дѣла, существующаго и доказаннаго, каково бывшее дѣло бывшаго Братства св. Гурія? А что, если новое дѣло не удастся и останутся инородцы и безъ новаго, и безъ прошлаго просвѣщенія?

Но дѣло, думается, еще поправимо.

Здѣсь можно предложить Казанцамъ два вопроса: почему старые братчики, въ рукахъ которыхъ окрѣпло образованіе инородцевъ, не вступились за свое дѣло и не отстояли бывшаго Казанскаго Братства святителя Гурія? Почему, если явились въ Казани *миссіонеры* и *средства* для дѣла, не было основано новое Братство, или отдѣльная миссія?

Конечно, трудно забыть Казанскому Братству печальный конецъ 1895 года и еще болѣе печальныя воздѣйствія отъ часто перемѣнявшихся администрацій, когда такъ неожиданно пошатнулись братскія дѣла, отразившіяся и на инородческой школѣ. Но неужели же потому слѣдовало измѣнить направленіе просвѣщенія инородцевъ и успокоиться на самооправданіи, на келейно проведенномъ въ С.-Петербургѣ новомъ уставѣ? Неужели вновь прибывшіе люди не могли быть уговорены и вразумлены братчиками, лично работавшими съ Ильминскимъ? Вѣдь прошло всего 5 лѣтъ послѣ его смерти, какъ на Братство обрушились первые удары пришлыхъ и властолюбивыхъ людей. Да и эти, какъ всегда, пришли, самоувѣренно напортили и ушли прочь. Но какъ могли Казанцы допустить новый уставъ Братства столь рѣзко и неблагодарно сметающій 25 лѣтъ ихъ

честнаго труда? Зачѣмъ старые братчики пропускали случаи, когда преобразователи Братства, повышенные по службѣ, уѣзжали изъ Казани и взамѣнъ ихъ являлись опять новые люди? Или и тутъ Братство не было своевременно и подробно обо всемъ освѣдомлено? Неужели же и преобразованіе Братства было проведено секретно отъ братчиковъ? Гдѣ же были болѣе самостоятельные друзья свѣта и правды?

Никто не откажетъ въ почтеніи всякому миссіонерству, въ томъ числѣ и ново-казанскому, кромѣ, разумѣется, опасной проповѣди православія между мусульманами. Возмущенія татаръ по деревнямъ, напр., даже ради безтактно повѣшенныхъ когда-то пожарныхъ колоколовъ,—казанскіе скандалы при крещеніи мусульманъ достаточно подчеркиваютъ нервные порывы оскорбляющагося населенія. Выше были указаны главныя черты жизни мусульманской Казани съ Туркестаномъ... Ильминскій отлично понималъ опасность отъ задиранія мусульманства. Sapienti sat ad futurum.

Иное дѣло миссіонерство среди остальныхъ инородцевъ, въ которомъ, конечно, никто посторонній не рѣшится наставлять Казанскихъ миссіонеровъ. Дѣло это не ново въ Казани, и многолѣтнее его прозябаніе дѣйствительно жалко. Но зачѣмъ же это миссіонерство не учредило для себя Казанскаго отдѣленія Православнаго Миссіонерскаго Общества, а обратилось именно на Братство святителя Гурія и притомъ въ самый явный ущербъ его же бывшему дѣлу?

Мы встрѣчаемся здѣсь съ самымъ удивительнымъ, въ сущности, противорѣчіемъ между Казанскимъ Братствомъ и Православнымъ Миссіонерскимъ Обществомъ. Миссіонерская дѣятельность Братства была въ свое время поддержана Обществомъ именно за инородческія школы. Въ частности поддержка за тѣ же школы была получена добровольно и была исходатайствована съ очень многихъ сторонъ. Теперь Братство отодвигаетъ школьное дѣло на второй планъ, увлекаясь прямымъ миссіонерствомъ, и какъ бы ищетъ возможности хоть какъ-нибудь поприличнѣе развязаться со своими же школами, ради своихъ миссіонеровъ... Неужели же, однако, эти прелестныя школы все-таки не избѣгнутъ «передачи» въ какое либо «вѣдомство»? Неужели

же нынѣшняя глубокая неурядица, выдаваемая за начало благоустроенія и оживленія Братства, не подвигнетъ никого изъ братчиковъ къ водворенію въ немъ дѣйствительнаго «братства» братчиковъ, дѣйствительнаго продолженія просвѣщенія инородцевъ?

Если старые Казанскіе братчики оказались слабыми и малодушными на мѣстѣ, то отчего же они не искали гласной помощи себѣ въ Москвѣ и С.-Петербургѣ?

Назадъ 5—6 лѣтъ тамъ было еще много старыхъ друзей братчиковъ, бывшихъ вліятельными и въ Православномъ Миссіонерскомъ Обществѣ, и въ Синодѣ, и Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія.

Зачѣмъ же было пропущено время Казанцами? Не спрашиваютъ ли о томъ изъ могилы всѣ почившіе братчики и незабвенный Ильминскій? Не плачутъ ли по своей прелестной школѣ осиротѣлые инородцы?

Мы, образованные русскіе, дѣйствительно, малодушны и нерѣшительны въ отпорѣ. Частыя перемѣны въ разныхъ администраціяхъ, склонныхъ самоувѣренно исправлять и подтягивать энергично, «по закону», а не «по божески», дѣйствительно парализуетъ нашу стойкость и дѣйствительно вредны для любого хорошаго дѣла.

Тѣмъ не менѣе, нельзя же совсѣмъ отступаться отъ хорошаго, хотя и временно-захирѣвшаго дѣла, и нельзя же думать, что каждый протестующій уподобится «гласу вопіющаго въ пустыни». Казань, несомнѣнно, допустила сдѣлать непростительный шагъ назадъ, но вѣдь и не «пустыня» же эта Казань! Ошибки Казанцевъ со всею очевидностью, какъ кажется, поняты въ Москвѣ, въ Православномъ Миссіонерскомъ Обществѣ, будто бы уже отказавшемъ въ дальнѣйшемъ содѣйствіи добить прежнюю дѣятельность Казанскаго Братства. «Передача» Казанскихъ инородческихъ братскихъ школъ, которой такъ боялся Ильминскій, какъ слышно, уже дважды отклонена въ Москвѣ. Слѣдовательно, въ Москвѣ еще помнятъ свое недавнее содѣйствіе дѣлу Казанскому. Чего же теряютъ время старые Казанскіе братчики? Или же они не вѣрятъ въ возможность имъ помощи и въ Москвѣ, и въ С.-Петербургѣ?

Нынѣшнее миссіонерство Казани нисколько не критикуется само по себѣ, но по своему содержанію оно не-

избѣжно должно принимать лишь епархіальный характеръ. У этого миссіоперства, впрочемъ, и не можетъ быть того широкаго размаха, той мощи впечатлѣнія на сотни тысячъ людей, той массы работниковъ, какіе были у Казанскаго школьнаго миссіоперства при Ильминскомъ. Тогда Казань была, дѣйствительно, восточная столица и энергичный, крупный центръ просвѣщенія, — теперь же что такое Казань?

Напрасно ссылаются въ Казани, что дѣло Ильминскаго «утратило жизнеспособность въ другихъ рукахъ», «нѣтъ людей» и т. п. Не заключаются ли въ этихъ признаніяхъ неосторожные аттестаты, добровольно выданные самимъ же себѣ? Кто доказалъ, что Ильминскій, всю жизнь работавшій для будущаго, именно этого-то будущаго не устроилъ? А съ другой стороны: «другія руки» при Ильминскомъ были, конечно, не его, а руки архіеп. Антонія и Петра Дм. Шестакова... Что нѣтъ «людей» у нынѣшняго братства—это, конечно, жестокая правда, такъ какъ бывшіе «люди» дѣйствительно отшатнулись отъ дальнѣйшаго въ немъ участія. Такихъ людей, дѣйствительно, нѣтъ, ибо ненадобно ни ума, ни таланта, чтобы властно отстранить отъ какого угодно дѣла «неудобныхъ» людей, и, замѣнивъ ихъ подходящими, смѣло утверждать затѣмъ, что наконецъ то начинается законный порядокъ и благоустройство! Но восклицаніе «нѣтъ людей» есть, съ одной стороны, сущее самообличеніе, сущая трагедія, совершенно горестная и жалкая. Съ другой стороны, то же утвержденіе «нѣтъ людей» есть сущая ложь и клевета. Въ кругу серьезныхъ людей всякій знаетъ, какъ легко найти «людей» въ Казани, даже и между работавшими недавно.

Конечно, недавняя смерть Ильминскаго—большая утрата. Но всѣ знаютъ, что *только для созданія и утвержденія дѣла* нужны были силы творческія и энергія Ильминскаго, В. Тимоѳеева, архіепископа Антонія и П. Д. Шестакова. Но надобны ли творческія силы для простого *продолженія дѣла?* Неужели кто-либо рѣшится отрицать у уцѣлѣвшихъ Казанскихъ дѣятелей даже и *силу*, надобную для продолженія дѣла? Для братчиковъ продолженіе дѣла Ильминскаго совсѣмъ уже просто, а наладить его послѣ временнаго угнетенія — еще того проще. Нужна лишь небольшая доля

гражданскаго мужества. И нынѣшніе братчики должны же, наконецъ, понять надобность общаго протеста въ своемъ дѣлѣ.

XVI.

Я не могу не подчеркнуть, что нужно продолжить именно *систему* Ильминскаго, такъ какъ только ею одушевлялось все дѣло. Содержаніе ея указано выше.

Система Ильминскаго захватывала *къ совмѣстной дѣятельности* многихъ людей изъ вѣдомства Св. Синода, Министерства Нар. Просвѣщенія, Православнаго Миссіонерскаго Общества, равно и всѣхъ Казанскихъ братчиковъ; это былъ, такъ сказать, первый этажъ системы; во второмъ этажѣ работали сотни провинціальныхъ дѣятелей до учителей включительно; въ третьемъ этажѣ помогали дѣлу сами благодарные, обрусѣлые инородцы.

Огромная территорія и тысячи лицъ искренно увлеклись новымъ дѣломъ. *Но неужели же затѣмъ они все только и глядѣли глазами Ильминскаго и работали только изъ-подъ его руки? Развѣ расширившаяся по кончинѣ Ильминскаго дѣятельность, напримѣръ, переводческой коммиссіи, Казанской учительской семинаріи не доказываетъ настойчиваго «продолженія дѣла»?* Ставимъ эти вопросы совершенно открыто!

Я смѣю гласно отрицать пользу преобразованія Братства святителя Гурія. Полагаю къ тому же, что если Казанцы встрепенутся къ бывшей дѣятельности, то, конечно, ихъ поддержатъ всюду. Для того слѣдуетъ «придти въ себя» и прежде всего, какъ бы то ни было трудно, надо возстановить старый уставъ Братства святителя Гурія. Только при немъ оно было такимъ чудеснымъ «отдѣльнымъ вѣдомствомъ» для своего оригинальнаго и жизненнаго дѣла. Это возстановленіе устава Братства должно спасти всѣ существующія школы отъ грозящей теперь передачи въ казенныя вѣдомства съ ихъ всякими ревизіями, отчетами и циркулярами. Это значитъ — спасти свободу школы, спасти самую душу дѣла.

Вѣдь недаромъ же Ильминскій боялся казенщины, и недаромъ же отступились отъ нея Казанскій архіерей и попечитель, да еще 40 лѣтъ назадъ!

Конечно, теперь число бывшихъ Казанцевъ, сочувствовавшихъ образованію инородцевъ, сильно убавилось; многіе отошли съ малодушіемъ, многіе—съ досадою, но многіе же и здравствуютъ... Но вѣдь и не одни же былые Казанцы умѣли убѣждать надобныхъ для дѣла людей и получать ихъ помощь въ бѣдѣ. Да и прежде не одинъ же Ильминскій, архіерей Антоній и П. Д. Шестаковъ помогали дѣлу въ С.-Петербургѣ. Конечно, стоитъ Казанцамъ только «кличъ кликнуть», какъ безъ промедленія встрепенутся сотни людей, понурившихъ теперь головы не въ одной Казани. Я убѣжденно утверждаю, что еще найдется не мало «людей», способныхъ похлопотать и продолжить дѣло, но... только по системѣ Ильминскаго и именно «по-божески», а не специфично «по закону». «Люди» эти пока отступились и понурили головы потому, что принимать участіе въ шагѣ назадъ невесело, да и стыдно.

Энергичное возстановленіе инородческаго образованія по системѣ Ильминскаго нисколько не можетъ умалить дѣятельность нынѣшняго Казанскаго миссіонерства. Это два дѣла, совершенно разныя между собой, хотя и внѣшне-связанныя. Не зачѣмъ говорить, какъ радостно забьются вновь сердца инородцевъ отъ возвращенія Братства свят. Гурія къ своей первоначальной дѣятельности:—какъ воспрянутъ духомъ не только Казанскіе уѣзды, но и всякіе Белебеи, Стерлитамаки, даже и далекіе Якутски, куда давно дошли просвѣтительныя идеи Ильминскаго. Казань для всѣхъ инородцевъ и для дальнихъ инородческихъ городовъ долго давала хорошіе примѣры и уроки. Потому Казань продолжала быть восточной столицей, а не губернскимъ только городомъ. Давняя роль Казани, какъ «татарской столицы», была съ честью возстановлена Братствомъ въ смыслѣ созданія въ Казани мощнаго просвѣтительнаго христіанскаго центра, именно «восточнаго». Низведеніе дѣятельности бывшаго Братства до степени какъ бы новаго отдѣленія Казанской духовной Консисторіи, не можетъ не отразиться на просвѣщеніи даже и очень далеко отъ Казани. Нельзя терять время и по другимъ причинамъ.

Несомнѣнно, что нынѣшнее угнетеніе дѣла и обезличеніе Братства вызоветъ немедленное усиленіе мусульманской школы въ средѣ инородческаго населенія. Послѣднее всего

очевидиѣе въ печати. Какъ ни отрадно привѣтствовать усиленіе у насъ свободной печати (а такова *болье всего* у насъ мусульманская), но Ильминскій недаромъ еще въ 1866 г. напечаталъ брошюру: «О количествѣ печатаемыхъ въ Казани магометанскихъ книгъ». Знаю я одного человѣка въ Казани, который можетъ указать по этой части нынѣшнія цифры, болѣе чѣмъ внушительныя, болѣе чѣмъ укоризненныя для русскаго дѣла. Знаю я по этой части одного человѣка и въ Туркестанѣ; и здѣсь слышны для насъ совсѣмъ невеселыя рѣчи! Въ итогѣ: когда-то мы крѣпко спали, затѣмъ проснулись, умылись, а теперь насъ опять укладываютъ спать, да еще силкомъ! Да и кто же!..

Насколько мало успѣли вникнуть въ государственное значеніе системы Ильминскаго кратковременныя министерства Боголѣпова, Ванновскаго и особенно г. Зенгера, видно изъ того, что въ ихъ годы какъ бы, чуть не открещивались отъ образованія инородцевъ вообще. Министерства глядѣли на дѣло сквозь пальцы на очень многое, развѣ изрѣдка рекомендуя такую прелесть для инородческихъ школъ, какъ пресловутый «естественный методъ». «Обрусеніе» (черезъ «е») отчасти потому даже обозначилось съ печальною ясностью и рѣзкостью. Прежнія заботы министерства въ 60-хъ и 70-хъ годахъ, выразившіяся въ узаконеніи системы Ильминскаго, въ изданіи «Сборника документовъ и статей», вдругъ какъ бы вычеркивались въ самой памяти обывателей. Но въ послѣднее время эти заботы смѣнились потокомъ секретныхъ бумагъ, негласными хлопотами въ Москвѣ и Петербургѣ, ревизіями, служебными перемѣщеніями, грозными резолюціями и т. п. Обнаружились въ сущности самые обычные бюрократическіе пріемы. Но друзей просвѣщенія инородцевъ истинно оскорбило внезапное уничтоженіе должностей окружныхъ инспекторовъ въ Симбирскѣ для чувашъ и въ Оренбургѣ—для киргизовъ съ башкирами: какой-то смутный скандалъ затушилъ несостоявшееся открытіе съѣзда инородческихъ учителей 1-го августа 1903 года... Обнаружилась какая-то необъяснимая посылка русскихъ учителей въ инородческія школы; какая-то престранная, чтобы не сказать болѣе, статья «инспектора Краснодубровскаго»,—(конечно, въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ»...) начала трактовать дѣло со сто-

роны совѣмъ уже нелѣпой... Но Казанцы молчали и лопнуло ихъ терпѣніе, даже и у выносливыхъ, только послѣ статьи г. «инспектора». Они пощадно изобличили этого педагога въ цѣломъ рядѣ опроверженій. Да! Нельзя не пожелать бо́льшаго свѣта и лучшихъ надеждъ отъ мѣстныхъ силъ Министерства, начавшихъ разрушать свой же трудъ, сдѣланный когда-то съ такой любовью къ свѣту, съ довѣріемъ къ свободѣ школы и учителя. Неужели же и тутъ усиліями Казанцевъ не загладится столь печальный и самообличающій шагъ назадъ?

Несомнѣнно, что Святѣйшій Синодъ, уважая память и огромную услугу Ильминскаго, прямо откажется отъ пріема Казанскихъ братскихъ инородческихъ школъ въ свое вѣдомство. Ему гораздо послѣдовательнѣе поддержать попрежнему систему образованія инородцевъ, какъ истинно-христіанскую и глубоко-народную. Для того, несомнѣнно, въ Святѣйшемъ Синодѣ найдутся авторитетные люди. Они отстранятъ предполагаемую «передачу»...

Крайне нехорошо, вредно и недальновидно нынѣшнему Братству, какъ явно обнаружилось въ его послѣднемъ Отчетѣ, отбовывать отъ себя Казанскую крещено-татарскую школу, уже 40 лѣтъ работавшую въ интересахъ Братства и всегда составлявшую его главную честь и красу. Школа эта, конечно, и не вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія, куда, какъ слышно, хотятъ ее всунуть во что бы ни стало. Но, вѣдь, оно не давало школѣ ни устава, ни штата, а имѣло съ нею лишь внѣшнюю связь, по Ильминскому. Нынѣ, его преемникъ, какъ слышно, былъ вынужденъ выйти изъ Братства и тѣмъ невольно ослабить связь Братства со школою. Но Братство, по смыслу всей исторіи своей бывшей дѣятельности, *должно же* вернуться опять къ своему благодѣтельному участію въ судьбѣ Казанской крещено-татарской школы, оставивъ ее непремѣнно за собою и отнюдь не передавая въ чиновничье завѣдываніе Министерства Нар. Просвѣщенія, или консисторско-епархіальнаго вѣдомства. Въ крайности, если ужъ неизбѣжно то, что́ было сознательно и радостно избѣгнуто 40 лѣтъ назадъ, — единственною формою, сколько нибудь удобною для дѣла и удовлетворительною для любителей всякихъ бумажныхъ корректностей, можетъ быть передача

всѣхъ школъ Миссіонерскому Обществу, но все-таки, ведя далѣе школы черезъ Братство старымъ духомъ, какъ бывшею радостью Братства и Общества. Не консисторское, или инспекторское завѣдываніе надобно теперь, не нивеллированіе, не бумагомараніе, а возвращеніе къ живому дѣлу, какъ выше видно, совсѣмъ уже не чиновничьему и не консисторскому.

Наконецъ, въ какомъ положеніи очутится Казанское Братство, когда ему придется объяснять и испрашивать указанія у многихъ здравствующихъ Высочайшихъ Особъ: Мы-де уже отрекшись отъ Казанской крещено-татарской школы и не знаемъ, куда бы сбыть ее... ту самую школу, которую Вы осчастливили Своимъ сочувствіемъ и одобреніемъ лѣтъ 30—35 тому назадъ: какъ соизволите поступить съ деньгами, жалуемыми съ тѣхъ поръ ежегодно? А что, если Высочайшія Особы вступятся за школу, система которой собственно и привела ихъ въ восхищеніе и къ учрежденію стипендій?

Да и вообще, что можно сказать теперь и чѣмъ помянутъ наши дѣти тѣхъ казанцевъ, которые получили по завѣщанію заповѣдное благоустроенное доброе дѣло, но извратили это дѣло и, наконецъ, повели къ явной погибели?

Не лучше ли воздержаться отъ «передачи»? Не лучше-ли Казанцамъ обратиться, напримѣръ, въ Св. Синодъ съ просьбою поблагоприличнѣе уладить дѣло хотя наружно? Мало-ли способовъ для устройства дѣла тихо, мирно, безъ возмущенія чувствъ населенія, даже и къ удовольствію лицъ, наконецъ-то, пришедшихъ въ себя? Дѣло очень простое, и Св. Синодъ, навѣрное, вступится, — поддержитъ Московскій Совѣтъ Православнаго Миссіонерскаго Общества, благословивъ разрѣдить собравшіяся тучи, пожалуй, и къ общему удовольствію.

Между тѣмъ, и Министерство Народнаго Просвѣщенія, несомнѣнно, порадуется благополучной развязкѣ дѣла, въ сущности, крайне непріятнаго и обиднаго и въ Казани, и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ. Несомнѣнно, что и Министерство выправитъ скоро часть ошибокъ отъ воздѣйствій пришлыхъ въ Казани людей. Сознаться въ ихъ ошибкахъ— никогда не поздно, и населеніе отвѣтитъ на это только безграничною благодарностью.

Какъ же рисуется будущее Казани въ случаѣ благополучнаго разрѣшенія мѣстной просвѣтительной неурядицы? Я представляю это себѣ очень просто: мы, бывшіе сотрудники Ильминскаго, вмѣстѣ со всѣми сочувствующими просвѣщенію инородцевъ по системѣ Ильминскаго, прежде всего «простимъ вся воскресеніемъ»; затѣмъ, нисколько не демонстрируя, отслужимъ панихиду у раки св. Гурія объ упокоеніи, несомнѣнно, возмущенныхъ душъ рабовъ Божіихъ: архіепископа Антонія, Петра, Николая и іерея Василія; потомъ въ возстановленномъ Казанскомъ Братствѣ святителя Гурія выберемъ членовъ Совѣта *по старому уставу*.

Первою заботою затѣмъ будетъ изысканіе способовъ обезпеченія Братства отъ всякаго насилія будущихъ пришлыхъ людей.

Затѣмъ мы, памятуя прошлое, начнемъ посильно, просто и сообща трудиться во славу Божію и во славу земли русской, радуясь вмѣстѣ съ инородцами.

Дѣло у насъ вѣдь знакомое и немудреное. Трудно его было создать и отстоять сначала, продолжить же съ простецами-учителями—чего проще и легче? Можно даже уповать и на расширеніе дѣла, ибо любовь и трудъ суть вся душа нашего дѣла.—переводы ширятся, добрые люди не могутъ не придти сами.

Затѣмъ мы съ готовностью будемъ помогать и любезному земляку Братства, т.-е. Казанской православной миссіи, но, конечно, не противомусульманской. Почему—сказано было хотя и кратко, но ясно и безъ обиды.

Затѣмъ, памятуя объ оказавшемся великодушіи и глубинѣ кротости «пришедшихъ въ себя», мы будемъ твердо памятовать и о нашемъ бывшемъ малодушіи, укротивъ бывшее огорченіе, совсѣмъ ненадобное для спокойнаго труда. Такъ именно намъ велятъ наша совѣсть, нашъ умъ и послушаніе покойнымъ нашимъ учителямъ.

Мы, вѣрящіе въ свои силы для возстановленія и развитія просвѣщенія инородцевъ, вѣримъ твердо, что намъ удастся вернуть инородческому просвѣщенію прежнія общественныя симпатіи и найти новыхъ сотрудниковъ; наконецъ, мы безповоротно вѣримъ въ благодѣтельную мощь гласности, свободы и добраго союза въ нашемъ благочестивомъ и народномъ дѣлѣ, именно «Божескомъ».

До многихъ полей и мы, по завѣту Ильминскаго, не рискнемъ дотронуться, оставивъ ихъ болѣе смѣлымъ и сильнымъ работникамъ. Укажемъ однако намекомъ на поле, которое слѣдовало бы оберечь и отъ другихъ, предостерегая и прося пока не трогать его. Пусть его пустуетъ, ибо силы русскія не объединены, даже и дробятся извнѣ, хотя земля наша велика и обильна. Къ тому же, давно и только по-латыни говорятъ намъ: «Ex oriente lux». Для Россіи—въ извѣстномъ смыслѣ, это есть зловѣщее предсказаніе. Недаромъ нѣтъ ходячаго у насъ перевода этихъ трехъ словъ. Мы живемъ, несомнѣнно, между двухъ очень грозныхъ огней, и зажигать одинъ изъ нихъ совсѣмъ неблагоразумно, хотя и великъ Богъ земли русской. Нашъ «lux»—пока изъ нашей вѣры, свѣта науки и бывшаго опыта.

Если же не удастся достигнуть требуемой уступки,—слѣдуетъ вести борьбу далѣе и не безъ надежды, что нашъ голосъ все-таки будетъ услышанъ не въ одной Казани.

Дописываю эти строки въ часъ всенощной на 5 декабря, т.-е. къ начавшемуся празднованію Русской Землей памяти Казанскаго святителя Гурія, просвѣтителя инородцевъ. Вспоминаю письмо къ нему царя Ивана Грознаго: «О Боже, какъ бы счастлива русская земля была, коли бы владыцы тацы были, якоже ты, и толико о семъ пеклися». Я вѣрю, что скоро минуетъ запустѣніе родной мнѣ Казани, и не могутъ быть мои слова «гласомъ вопіющаго въ пустыни». Дѣло, за которое я стою, дѣло хорошее и надобное; для него есть въ Казани хорошіе и надобные люди, да и время терять совсѣмъ не зачѣмъ. Итакъ, за работу, пока еще не поздно!

Ст. Смоленскій.

С.-Петербургъ
вечеромъ 4-го декабря 1904 г.

ИЗДАНІЯ

Общества ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III.

Сборникъ **„Старина и Новизна“**. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9 книги. Цѣна 2 р. каждой книги, для членовъ Общества по 1 р. *).

III выпускъ. **Братья Кирѣевскіе.** Жизнь и труды ихъ. Валерія Лясковскаго. Цѣна 80 коп., для членовъ Общества 40 к.

IV выпускъ. **Біографія генерала Котляревскаго.** Соч. гр. Соллогуба. Цѣна 1 рубл., для членовъ Общества 50 к

V. выпускъ. **Крестьянинъ-писатель начала XVIII вѣка И. Т. Посошковъ.** Его жизнь и дѣятельность. Историческій очеркъ П. С. Бѣляева. Цѣна 40 к., для членовъ Общества 25 к.

VIII выпускъ. **С. А. Рачинскій,** съ портретомъ. П. М. Горбова. Цѣна 30 к.

IX выпускъ. **Памяти С. А. Рачинскаго.** † 2 мая 1902 г. Валерія Лясковскаго. Цѣна 20 к.

Татевскій Сборникъ С. А. Рачинскаго. Съ приложеніемъ портрета А. С. Хомякова. Цѣна 1 р. 50 к., для членовъ Общества 1 р.

Бесѣды о древней русской литературѣ. П. П. Хрущова. Цѣна 1 р. 25 к., для членовъ Общества 65 к.

Переводы. Выпускъ 1. **„Константинополь“.** Соч. Ф. Маріона Крауфордъ. Переводъ съ англ. гр. Е. П. Шереметевой, подъ ред. проф. Помяловскаго. Цѣна 50 к., для членовъ Общества 25 к.

X выпускъ. **Меньшиковъ.** Историческая драма въ 5 дѣйств., въ стихахъ. Соч. В. Л. Величко. Съ портретомъ Меньшикова. Цѣна 1 р., для членовъ Общества 50 к.

XI выпускъ. **Война и Миръ** (1805—1812). Съ исторической точки зрѣнія и по воспоминаніямъ современника. По поводу соч. гр. Л. Н. Толстого „Война и Миръ“. А. С. Норова Цѣна 50 к., для членовъ Общества 25 к.

Собраніе народныхъ разсказовъ. А. Н. Катенкампъ-Сѣтковой. Цѣна 75 к.

XIII выпускъ. **Панихида** на темы изъ древнихъ роспѣвовъ для хора мужскихъ голосовъ „26 февраля 1904 г.“. Ст. В. Смоленскаго. Цѣна 1 р., для членовъ Общества 50 к.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЙ ОБЩЕСТВА:

1) С.-Петербургъ, Фонтанка, 34.
2) Москва, Воздвиженка, д. 8, гр. С. Д. Шереметева.

---

*) Гг. Члены Общества могутъ получить по уменьшенной цѣнѣ лишь по одному экземпляру каждой книги, требуемые же сверхъ сего экземпляры оплачиваются по цѣнѣ, установленной для посторонихъ лицъ.

2007056077

В 23
318

Изданіе Общества ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія
въ память Императора Александра III.

ВЫПУСКЪ XV.

РѢЧЬ ПРЕДСѢДАТЕЛЯ ОБЩЕСТВА,

произнесенная 29 января 1906 г. въ засѣданіи Совѣта Общества ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память Императора Александра III.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1906.

В 23
318

Изданіе Общества ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія
въ память Императора Александра III.

ВЫПУСКЪ XV.

РѢЧЬ ПРЕДСѢДАТЕЛЯ ОБЩЕСТВА,

произнесенная 29 января 1906 г. въ засѣданіи Совѣта Общества ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память Императора Александра III.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1906.

Печатано по распоряженію Г. Предсѣдателя Общ. ревнит. русск. историч. просвѣщ. въ память Императора Александра III.

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина
15019-69

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).

РѢЧЬ ПРЕДСѢДАТЕЛЯ ОБЩЕСТВА,

произнесенная 29 января 1906 г. въ засѣданіи Совѣта общества ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память Императора Александра III.

Общество ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память Императора Александра III вступило во второе десятилѣтіе своего существованія. Оно пережило рядъ годовъ, закончившихся внѣшнею войною и великою внутреннею смутою, тяжко отразившихся на судьбахъ Россіи. Нынѣ прекратилась внѣшняя борьба, но внутренняя брань далеко не улеглась; она раскрыла съ достаточною ясностію свои вожделѣнія, свои цѣли. Время не благодарное, обидное, гнетущее, время тяжкаго и грознаго испытанія пережито нашимъ Обществомъ вмѣстѣ со всею Русскою землею. Послѣдовательно и неуклонно служитъ оно, по мѣрѣ силъ, тѣмъ дорогимъ завѣтамъ, которымъ измѣнить не можетъ, твердо памятуя свое историческое прошлое, пламенно вѣруя въ

просвѣтительное призваніе родины, издревле озаренной Свѣтомъ Христовымъ, вѣры Отеческой-Православной!..

Вступая въ новое десятилѣтіе, смыкая и пополняя ряды, Общество наше, независимое и убѣжденное, отдастъ и впредь свои труды на дорогое дѣло обновленія творческихъ народныхъ силъ, на началахъ незыблимыхъ и вѣковыхъ, кои проявлены были въ такомъ величіи нравственной чистоты и силы въ то знаменательное царствованіе, когда кровь русская береглась для высокихъ цѣлей преуспѣянія и добра, на благо родинѣ, ради родного намъ, истинно Русскаго возрожденія!

2007056077